

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ

КАРНЕГИ

Большой стратегический треугольник

Алексей Арбатов

Владимир Дворкин

МАРТ 2013

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

Большой стратегический треугольник

Алексей Арбатов
Владимир Дворкин

МАРТ 2013

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2013

Содержание

Краткое содержание	7
Введение	9
Специфика отношений ядерного сдерживания	10
Роль ядерного оружия и ядерные доктрины	21
Китай и системы ПРО	27
Стратегические ракеты в неядерном оснащении	33
Китай и ограничение ядерных вооружений	37
Предпосылки участия КНР в ограничении вооружений	42
Заключение	44
Примечания	47
Об авторах	53
Московский Центр Карнеги	55

Даже путь в тысячу ли начинается с первого шага.
Древняя китайская поговорка

Краткое содержание

Особую важность как в политическом, так и в военно-стратегическом отношении имеет «большой треугольник» Азиатско-Тихоокеанского региона: США, Россия и Китай. С учетом стратегических арсеналов и военных программ двух традиционных сверхдержав и неуклонного наращивания ракетно-ядерного потенциала новой сверхдержавы XXI в. этот треугольник имеет глобальный масштаб.

Основные особенности отношений в «большом треугольнике»

- Российско-американские стратегические отношения основаны на паритете ядерных вооружений, взаимном ядерном сдерживании и сорокалетнем опыте соглашений об ограничении и сокращении вооружений.
- В отличие от российско-американского подхода к стратегической стабильности китайский подход не основан на ракетно-ядерном паритете и взаимном ядерном сдерживании. КНР — единственная из «Большой пятерки» ядерных держав, которая не предоставляет информацию о своих ядерных силах.
- Если ядерные силы КНР столь ограничены, как считается, то они не способны к ответному удару и, очевидно, рассчитаны на упреждающий удар. Китайский потенциал ответного удара может быть состоятелен только в случае существования скрытого резерва.
- Необходимо учитывать китайский фактор при разработке новых российско-американских инициатив по ограничению и сокращению вооружений.
- Пекин может присоединиться к процессу разоружения, если его уступки в области транспарентности и ограничения вооружений окупятся военно-стратегическими уступками США и России.

Стимулы для присоединения Китая к процессу разоружения

- США могут взять на себя обязательство не наращивать в дальнейшем средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане.
- США и Россия должны взять на себя обязательство, согласно которому КНР сможет принять участие в российско-американ-

ских проектах о сотрудничестве в области ПРО в приемлемом для себя формате, если Вашингтон и Москва договорятся о таких проектах.

- Подобным проектом мог бы быть азиатско-тихоокеанский центр обмена данными о ракетных пусках по аналогии с центрами России-США и России-НАТО, которые начали создаваться или предлагались в Европе, но затем были заморожены.
- США и Россия могли бы перейти к переговорам о следующем соглашении по СНВ включая ограничение стратегических систем в обычном оснащении. Это создаст предпосылку и для последующего ограничения китайских ракет с высокоточными обычными боевыми частями, которые неотличимы от ядерных.
- Желательно добиться продвижения в ограничении нестратегических ядерных вооружений США и России (исключая перемещение нестратегических ядерных вооружений России из ее европейской части в азиатскую, на чем настаивает НАТО). Прогресс в этой области создаст основу для последующего ограничения китайских ракетных систем средней и меньшей дальности.

Введение

Тема перехода процесса ядерного разоружения с двустороннего (Россия-США) на многосторонний формат привлекает растущее внимание политиков и экспертов мира. На встрече с экспертами в Федеральном ядерном центре в Сарове 24 февраля 2012 г. будущий президент России Владимир Путин заявил: «Мы не будем разоружаться в одностороннем порядке... В ходе этого процесса должны принимать участие уже все ядерные державы. Мы не можем бесконечно разоружаться на фоне того, что какие-то другие ядерные державы вооружаются»¹.

Особую важность как в политическом, так и в военном-стратегическом отношении имеет в этом контексте «большой треугольник» Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), вершины которого составляют США, Россия и Китай. Названная геостратегическая фигура является, конечно, весьма условным построением. С учетом параметров стратегических арсеналов и военных программ двух традиционных сверхдержав и неуклонного наращивания ракетно-ядерного потенциала новой сверхдержавы XXI в. этот «треугольник» имеет глобальный масштаб.

В то же время он обладает важнейшим региональным измерением. В Азии к нему примыкают другие ядерные государства — Индия, Пакистан и КНДР. Он прямо или опосредованно связан с военно-политическими, территориальными и экономическими проблемами межгосударственных (и внутригосударственных) отношений в западной части Тихого океана и Юго-Восточной Азии.

В обозримом будущем как в мировой экономике, так и в международной безопасности АТР будет играть возрастающую роль. Официально объявлено, что на этот регион переориентируется национальная стратегия как США, так и России. Ход событий здесь будет оказывать огромное влияние на уровень конфликтности в мире, динамику военного соперничества государств, перспективы ограничения и нераспространения вооружений.

Остановимся подробнее на характере военно-политических отношений трех великих держав, прежде всего в сфере стратегических вооружений и ядерного оружия в целом. Они будут оказывать решающее воздействие на состояние безопасности в регионе и во всем мире.

Ядерные силы России и США последовательно сокращаются наряду с весьма умеренной их модернизацией, а ядерные потенциалы третьих стран, прежде всего Китая, Индии, Пакистана, неуклонно наращиваются в количественном и качественном отношении.

Специфика отношений ядерного сдерживания

Военно-стратегические отношения в «большом треугольнике» завязаны в сложный узел общих интересов и противоречий сторон в сфере наступательных и оборонительных стратегических (а также нестратегических) вооружений.

Россия и США

Россия и США имеют самые крупные арсеналы ядерного оружия (ЯО) в мире, причем каждая из этих стран превосходит совокупную численность ядерных вооружений остальных семи государств — обладателей этого вида оружия. Вместе с тем ядерные силы России и США последовательно сокращаются наряду с весьма умеренной их модернизацией, а ядерные потенциалы третьих стран (прежде всего Китая, Индии и Пакистана) неуклонно наращиваются в количественном и качественном отношении.

Соединенные Штаты. По сведениям, полученным в результате обмена данными согласно новому Договору по стратегическим наступательным вооружениям (СНВ) от 2010 г.², американские стратегические ядерные силы (СЯС) насчитывают 806 развернутых баллистических ракет и тяжелых бомбардировщиков, на которых по правилам засчета этого договора размещено 1722 боезаряда³. Наземная составляющая триады представлена 500 межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) «Минитмен-3» шахтного базирования, часть из которых оснащена одной, а часть — тремя боеголовками на разделяющихся головных частях (РГЧ) — в сумме около 550 боеголовки. В рамках нового Договора СНВ от 2010 г. в 2013—2017 гг. все они будут переоснащены на моноблочную головную часть⁴.

Морская составляющая триады включает 14 атомных стратегических подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) системы «Трайдент/Огайо», каждая из которых может нести по 24 баллистических ракеты подводных лодок (БРПЛ) типа «Трайдент-2/D-5», способных доставить по 8 боеголовки в разделяющихся головных частях. Еще 4 построенные подводные лодки этого типа переоборудованы под крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) с обычными боезарядами (на каждой по 154 ракеты — в сумме 616 единиц). В число развернутых не входят пусковые установки БРПЛ на 2 ПЛАРБ, которые в каждый данный момент стоят на капитальном ремонте. Наконец, на БРПЛ «Трайдент-2» засчитываются не по 8, а в среднем по 4 боезаряда, что в сумме составляет для морского компонента 12 подводных лодок с 288 ракетами и 1152 боезарядами. Из них 8 ПЛАРБ базируются и осуществляют боевое патрулирование на Тихом океане, а 6 — в Атлантике.

Воздушная составляющая состоит из 93 тяжелых бомбардировщиков (ТБ) типа В-52Н и 21 типа В-2, из которых «оперативно развернуты» соответственно 44 и 16, несущие 350 ядерных крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) и 150 бомб свободного падения. Кроме того, имеется 67 бомбардировщиков типа В-1В, переоборудованных под неядерные вооружения. В настоящее время все тяжелые бомбардировщики сняты с режима повышенной боеготовности (когда часть из них постоянно стояли заправленными и с боевым грузом), их ядерные бомбы и ракеты находятся в хранилищах на авиабазах. Исходя из этого, согласно новому Договору СНВ каждый самолет засчитывают как один носитель и один боезаряд. С учетом реально возможной немедленной боевой загрузки ТБ общее число ядерных боезарядов американских СЯС составляет не 1722, а порядка 2000 единиц.

В классе нестратегического или оперативно-тактического ядерного оружия (ТЯО) ныне США располагают примерно 500 единиц вооружений, хотя официальная информация об этом довольно туманна. В их числе 100 ядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ) типа «Томахок» (TLAM/N) для многоцелевых атомных подводных лодок, причем, как было официально заявлено в 2010 г., все эти ракеты подлежат ликвидации. Также имеется 400 авиабомб свободного падения, из которых около 200 размещены на шести складах Военно-воздушных сил (ВВС) США в пяти странах НАТО (Бельгии, Италии, Нидерландах, Турции, ФРГ). Эти бомбы предназначены для доставки истребителями-бомбардировщиками ВВС США типа F-16, а также бельгийскими и британскими авиационными носителями того же типа и германо-итальянскими ударными тактическими самолетами типа «Торнадо». На складском хранении содержится еще около 2800 резервных ядерных боезарядов стратегического и тактического классов, а также до 3100 взрывных устройств, ожидающих утилизации ⁵.

Современная американская программа развития ядерных сил в обозримый период не предусматривает строительства новых баллистических ракет, бомбардировщиков или стратегических подводных лодок. Технический ресурс имеющихся МБР «Минитмен-3» продлен до 2030 г. Продолжается производство модифицированных БРПЛ типа «Трайидент-2» для перевооружения ПЛАРБ типа «Огайо», которые должны оставаться в боевом составе до 2030—2040 гг. ВВС разрабатывают новую систему КРВБ «Усовершенствованная крылатая ракета» (ЕСМ) и приступили к проектированию перспективного типа бомбардировщика на период после 2020 г.

В последние годы США несколько снижают упор на традиционное ядерное сдерживание, повышают акцент на противоракетную оборону и стратегические высокоточные системы в обычном оснащении: крылатые ракеты, до-орбитальные ракетно-планирующие системы «Быстрого глобального удара».

По информации американского Министерства обороны, после выполнения условий нового Договора СНВ ядерная триада США будет состоять из 420 МБР «Минитмен-3», 14 ПЛАРБ типа «Огайо» с 240 БРПЛ типа «Трайдент-2» и порядка 60 ТБ⁶. Что касается нестратегического ядерного оружия, то было принято решение ликвидировать все ядерные КРМБ «Томахок», но сохранить и усовершенствовать авиабомбы типа В-61. Возможно, новый многоцелевой тактический истребитель типа F-35 будет сертифицирован для оснащения этими бомбами.

В последние годы США несколько снижают упор на традиционное ядерное сдерживание, повышают акцент на противоракетную оборону (ПРО) и стратегические высокоточные системы в обычном оснащении (крылатые ракеты, до-орбитальные ракетно-планирующие системы «Быстрого глобального удара» — БГУ). Хотя эти новые системы ориентированы на третьи страны, они будут оказывать влияние на стратегический баланс и переговоры между Россией и США (подробнее см. ниже).

Российская Федерация. В отличие от США Россия в настоящее время подчеркнуто делает акцент на ядерное сдерживание как на глобальном, так и (по косвенным признакам) на региональном уровне⁷.

По сведениям, полученным при обмене данными в рамках Договора СНВ, российские СЯС состоят из 491 развернутого носителя и 1499 боезарядов⁸. Наземные ракетные силы в составе Ракетных войск стратегического назначения насчитывают 322 пусковые установки (ПУ) и МБР, оснащенные 1087 боезарядами. В том числе в шахтных пусковых установках (ШПУ) имеется 50 тяжелых МБР типа РС-20 (каждая с 10 боеголовками РГЧ), 48 ракет типа РС-18 (каждая с 6 боеголовками), 135 грунтово-мобильных ПУ и ракет с моноблочной головной частью типа РС-12М «Тополь», 56 МБР типа РС-12М2 «Тополь-М» шахтного базирования и 18 таких же ракет мобильного базирования с моноблочной головной частью, а также 15 мобильных ракет РС-24 «ЯРС» с РГЧ (каждая с 6 боевыми блоками)⁹.

Морская составляющая имеет 12 ПЛАРБ и 144 БРПЛ, несущие 512 боезарядов. Из них в боевом составе Северного флота числится 6 ПЛАРБ типа «Дельфин» (проекта 667 БДРМ) с 96 ракетами РСМ-54 (каждая несет по 4 боезаряда). Поскольку одна из них стоит на капитальном ремонте, для целей Договора СНВ засчитывается 5 лодок и развернутых 80 ракет (320 боезарядов)¹⁰. Тихоокеанский флот располагает 3 более старыми атомными подводными ракетноносцами типа «Кальмар» (проекта 667 БДР) с БРПЛ типа РСМ-50 (по 3 боеголовки). Дополнительно одна подводная лодка типа «Тайфун» (проекта 941 «Акула») используется в качестве испытательной платформы для новых БРПЛ РСМ-56 «Булава-30». Новая подводная лодка типа «Юрий Долгорукий» (проекта 955) с ракетами РСМ-56 «Булава-30» 11 прошла трехлетние испытания, завершившиеся в 2010 г., и была принята в боевой состав в январе

2013 г. Еще одна подводная лодка данного класса «Александр Невский» проходит испытания¹¹.

Авиационная составляющая включает 76 самолетов — 63 бомбардировщика типов Ту-95МС6 и Ту-95МС16, а также 13 бомбардировщиков типа Ту-160¹². По правилам нового Договора СНВ все они в сумме засчитываются как 76 носителей и 76 боезарядов. Но реально они могут нести в общей сложности 820 ядерных КРВБ типа Х-55¹³. Таким образом, в действительности российские СЯС имеют на вооружении не 1499 боезарядов¹⁴, а более 2000 ядерных боезарядов.

Российские нестратегические ядерные силы скрыты завесой тайны еще в большей степени, чем американские. По данным зарубежных источников, в настоящее время имеется около 730 тактических ядерных авиационных ракет и бомб для 150 бомбардировщиков средней дальности типа Ту-22М и для 280 фронтовых бомбардировщиков типов Су-24 и Су-34. Кроме того, есть примерно 700 противокорабельных, противолодочных, противовоздушных ракет, а также глубинных бомб и торпед кораблей и подводных лодок включая ядерные КРМБ большой дальности многоцелевых подводных лодок. Около 430 ядерных боеголовок приписывается зенитным ракетам С-300 и другим системам ПВО. Порядка 160 боезарядов предназначены для тактических ракет Сухопутных войск¹⁵.

В общей сложности нестратегический ядерный арсенал, который можно перевести в состояние оперативного развертывания, оценивается примерно в 2000 боезарядов. Еще около 2000 взрывных устройств есть на складском хранении и предназначено для утилизации¹⁶. По заявлениям представителей военно-политического руководства, уже сейчас все нестратегические ядерные средства находятся на объектах централизованного хранения¹⁷.

Открытые разделы программы развития российских ядерных сил предусматривают прежде всего продолжение развертывания моноблочных ракет «Тополь-М» шахтного и мобильного базирования и новых МБР типа РС-24 «Ярс» с разделяющимися головными частями на грунтово-мобильных ПУ. Также официально объявлено о планах разработки новой жидкостной многозарядной тяжелой МБР шахтного базирования¹⁸.

Главная морская стратегическая программа — строительство новых подводных лодок проекта 955. Одна из них принята на вооружение, еще три находятся на разных стадиях строительства. До 2020 г. намечено построить в общей сложности 8 новых ракетноносцев. Они оснащаются новой системой БРПЛ РСМ-56 «Булава-30». На 6 лодках предыдущего проекта 667 БДРМ устанавливается модифицированная ракетная система типа РСМ-54 («Синева»)¹⁹.

Для Военно-воздушных сил продолжается строительство бомбардировщиков Ту-160 (один самолет за несколько лет). Также разрабатывается новая система КРВБ как в ядерном, так и в обычном оснащении (Х-555

и Х-101/102)²⁰. На долгосрочную перспективу начато проектирование стратегического бомбардировщика следующего поколения (ПАК ДА).

Будущий состав и уровни российских СЯС определяются темпами снятия с вооружения устаревших систем, которые разворачивались в 1980—1990-х годах, и масштабом принятия новых средств. Поскольку из боевого состава выводится больше вооружений, чем вводится, уровни СЯС снижаются. Поэтому новый Договор СНВ мало отразится на параметрах ядерного потенциала страны. Например, к 2020 г. Россия может

иметь около 1500 боеголовок на наземных и морских ракетах, в том числе около 900 на 300 МБР (РС-12М2 «Тополь-М», РС-24 «Ярс», новая МБР тяжелого типа) и 600 примерно на 100 БРПЛ РСМ-54 «Синева» и РСМ-56 «Булава-30», размещенных на ПЛАРБ проекта 667 БДРМ и проекта 955 («Юрий Долгорукий»)²¹.

В совокупности российские СЯС будут, таким образом, состоять самое большее из 450 носителей и 1550 боезарядов (по правилам зачета нового Договора СНВ). Если начнется развертывание новой тяжелой МБР, это добавит к суммарному уровню 2020 г. какое-то число носителей и боезарядов. Правда, в этом случае стабильность стратегического баланса может снизиться ввиду большей концентрации боезарядов на небольшом числе относительно уязвимых носителей.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что между Россией и США существуют классические отношения взаимного ядерного сдерживания (на базе способности взаимного гарантированного уничтоже-

ния ответным ударом) и примерного стратегического паритета. Это вот уже сорок лет служит основой их переговоров и соглашений на принципах «равенства и одинаковой безопасности» и «стратегической стабильности».

Новый Договор СНВ в очередной раз закрепил такие отношения на пониженном количественном уровне. Каждой из сторон разрешено иметь не более чем по 700 развернутых ракет и бомбардировщиков (по 800 единиц вместе с неразвернутыми пусковыми установками и ТБ) и по 1550 боезарядов. Эти потолки предстоит установить в 2018 г., а срок действия Договора — до 2020 г. По сравнению с предыдущим Договором СНВ-1, заключенным более двадцати лет назад, потолки на боезаряды почти вчетверо, а на носители — в два с половиной раза ниже. При этом структура нового договора гораздо проще, ограничения значительно мягче, а режим транспарентности и контроля скромнее²².

Стабильность стратегических взаимоотношений России и США в течение обозримого времени сохранится, несмотря на воздействие «возмущающих» военно-политических факторов. Если абстрагироваться от влияния третьих ядерных государств, в сугубо двустороннем контексте стратегическая стабильность будет поддерживаться, даже если двум державам удастся заключить следующий договор по СНВ о снижении потолков СЯС до уровня порядка 1000 боезарядов — при условии обеспечения высокой живучести стратегических сил.

Впрочем, и тут в последнее время растет асимметрия между сторонами, создающая трудности для дальнейшего процесса переговоров. Россия связывает их перспективы с разрешением противоречий вокруг ПРО, запрещением космических ударных систем, а США — с ограничением нестратегических (оперативно-тактических) ядерных вооружений. Обе державы ставят вопрос о привлечении к ограничению ядерного оружия третьих ядерных государств, причем Россия отдает приоритет Великобритании и Франции как американским союзникам, а Соединенные Штаты — Китаю в качестве независимого субъекта стратегического баланса. Россия по поводу КНР занимает самую общую позицию, не выделяя ее из круга третьих ядерных государств.

Тем не менее как в рамках нового Договора, так и без него существование стратегических взаимоотношений России и США в обозримый период не изменится. Ни одна из сторон не будет обладать потенциалом разоружающего удара по контрагенту ни при каких сценариях ядерного конфликта. Согласно моделям независимых экспертов при всех условиях контрсилового нападения у другой стороны останется несколько сот ядерных боезарядов для ответных действий, а этого достаточно для причинения неприемлемого ущерба гипотетическому агрессору. Причем развертывание ПРО США и Воздушно-космической обороны (ВКО) России — согласно заявленным программам — способно ослабить ответный удар контрагента максимум на десяток или чуть больше боеголовок²³.

Таким образом, стабильность стратегических взаимоотношений России и США в течение обозримого времени сохранится, несмотря на воздействие «возмущающих» военно-политических факторов. Более того, если абстрагироваться от влияния третьих ядерных государств, в сугубо двустороннем контексте стратегическая стабильность будет поддерживаться, даже если двум державам удастся заключить следующий договор по СНВ о снижении потолков СЯС до уровня порядка 1000 боезарядов — при условии обеспечения высокой живучести стратегических сил.

США и Китай

Между этими державами есть отношения взаимного ядерного сдерживания, но крайне асимметричного в пользу США. В последние годы США явно переносят центр тяжести ядерного сдерживания на Тихий океан, имея в виду КНР (как отмечено выше, 8 из 14 ПЛАРБ типа «Огайо»/«Трайдент» развернуты в Тихом океане). С ориентацией на эту зону Вашингтон делает гораздо больший упор на развитие ПРО, чем в Евро-Атлантике (90% его информационных и ударных средств развернуто в АТР), и на развертывание и разработку стратегических высокоточных систем включая программы в рамках БГУ.

При этом США никогда официально не признавали взаимного ядерного сдерживания с КНР и тем более предстоящего паритета с Китаем

(в отличие от отношений с Россией). Очевидно, Вашингтон не собирается преподнести КНР как новой сверхдержаве XXI в. такие отношения «в подарок». (Вспомним, как в свое время США не желали признать их в противостоянии с СССР, которому пришлось самому завоевать паритет, пройдя через три цикла гонки вооружений и опаснейший Карибский ракетный кризис 1962 г.)

Китай, в свою очередь, настаивает на признании своего права на такую взаимность сдерживания с США с упором на «минимальное ядерное сдерживание» и постепенно наращивает силы МБР и БРПЛ. Попутно Китай создает высокоточные баллистические ракеты средней дальности (БРСД) и оперативно-тактические ракеты (ОТР) в неядерном оснащении — против Тайваня и Военно-морских сил (ВМС) США — и экспериментирует с ПРО и противоспутниковой системой.

По оценкам независимых экспертов²⁴, стратегические силы КНР (согласно классификации нового Договора СНВ) представлены 93 баллистическими ракетами наземного и морского базирования.

Наземный компонент ядерных сил КНР состоит из Стратегических ракетных войск и ракетных комплексов Сухопутных войск Народно-освободительной армии Китая (НОАК). Стратегические ракетные войска представлены так называемой «Второй артиллерией» НОАК. В их составе развернуто 18 устаревших жидкостных МБР шахтного базирования «Дунфан-5А», 30 новых твердотопливных грунтово-мобильных МБР «Дунфан-31» и «Дунфан-31А».

Морской компонент ядерных сил КНР включает два типа атомных ракетных подводных лодок: тип «Ся» проекта 092 с 12 моноблочными БРПЛ «Цзюйлан-1» и две лодки типа «Джин» проекта 094 с 12 моноблочными ракетами «Цзюйлан-2» на каждой. Строительство ПЛАРБ типа «Ся» и производство БРПЛ «Цзюйлан-1» прекращено в 1990-х годах. Строительство ПЛАРБ проекта 094 ведется с 2001 г., всего предполагается построить не менее четырех лодок этого проекта (по другим данным — не менее пяти). Введенные в боевой состав ВМС КНР две ПЛАРБ проекта 094 привлекаются к боевому патрулированию в прилегающих к Китаю морях. Таким образом, ныне в морском компоненте ядерных сил КНР развернуто 36 моноблочных БРПЛ «Цзюйлан-1/2», боекомплект ядерных головных частей для которых составляет 45 единиц.

Китай имеет внушительные силы БРСД и ОТР. Напомним, что все аналогичные средства России (СССР) и США были уничтожены по Договору о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД) от 1987 г. Эти силы состоят из 11 устаревших БРСД «Дунфан-4» и 88 новых грунтово-мобильных ракет средней дальности «Дунфан-21/21А», а также 60 ОТР «Дунфан-15/15А/15Б» и «Дунфан-11А» (последние не подпадают под классификацию РСМД, имея дальность 300

км). Всего имеется примерно 160 ракет средней и меньшей дальности. Некоторая часть БРСД и ОТР, видимо, оснащена обычными боевыми блоками.

Авиационный компонент ядерных сил КНР состоит из стратегической авиации, в состав которой входят 60 средних бомбардировщиков «Хун-6», и тактической авиации, представленной 300 истребителями-бомбардировщиками «Цян-5» и ударными самолетами, прототипом которых является российский многоцелевой истребитель Су-30. Для этих самолетов предназначено до 120 стратегических ядерных авиабомб Б-5 и 320 тактических авиабомб Б-4 — всего 440 единиц.

Сухопутные войска имеют на вооружении два типа грунтово-мобильных ракетных комплексов, которые могут производить пуски ракет как с обычной, так и с ядерной головной частью. Один из типов данной системы оснащен твердотопливной ОТР «Дунфан-11» (около 100 единиц), другой — крылатыми ракетами наземного базирования (КРНБ) «Дунхай-10» (в количестве до 500 единиц). Боекомплект головных частей для этих носителей может насчитывать в общей сложности до 150 ядерных боеголовок.

Таким образом, в наземном компоненте ядерных сил КНР может быть предназначено для развертывания около 360 ядерных головных частей. В мирное время большая часть из них хранится отдельно от ракет. Однако, вопреки утверждению многих зарубежных экспертов, «Вторая артиллерия» переходит на организацию непрерывного боевого дежурства в ракетных бригадах МБР «Дунфан-31/31А». Очевидно, что эти комплексы содержатся в готовности к немедленному применению с санкции руководства страны. А это означает, что к ракетам, находящимся на пусковых установках в транспортно-пусковых контейнерах, постоянно пристыкованы ядерные головные части.

В общей сложности, по подсчетам самых авторитетных российских специалистов, китайский арсенал ядерных боезарядов, готовых для оперативного развертывания, насчитывает 800—900 единиц²⁵. Вдобавок еще столько же может содержаться на складском хранении как резерв боезарядов, запасных частей или в очереди на утилизацию.

Важнейшее обстоятельство, о котором периодически появляется информация зарубежных информационных агентств и независимых экспертов, — сооружение в ряде провинций Китая силами военных строителей развитой системы подземных тоннелей, в которых может размещаться крупногабаритная военная техника. В таких тоннелях общей протяженностью в несколько тысяч километров может находиться значительное количество резервных мобильных пусковых установок с баллистическими и крылатыми ракетами, а также хранилища ядерных боеприпасов. Иного военного предназначения для таких грандиозных сооружений просто нельзя представить.

В стратегическом балансе США и КНР отношения ядерного сдерживания не только резко асимметричны, но и «размыты» вследствие возможности региональных конфликтов и наличия систем оружия, обеспечивающих обязательства США по отношению к союзникам и партнерам (Тайвань, Япония, Южная Корея). Политическая неоднозначность и стратегическая асимметрия крайне затрудняют классический вариант переговоров между сторонами.

Согласно имеющейся неофициальной информации, осуществляется модернизация существующих и серийное производство новых модификаций средних бомбардировщиков «Хун-6». Они оснащаются новым прицельно-навигационным оборудованием и будут иметь расширенный состав вооружения включая КРВБ с ядерной головной частью. Прототипом таких КРВБ является КРНБ «Дунхай-10». В совершенствовании наземного компонента ядерных сил акцент сделан на оснащении баллистических ракет разделяющейся головной частью и средствами преодоления ПРО. Наряду с этим ведется разработка двух новых твер-

дотопливных баллистических ракет: БРСД типа «Дунфан-25» и МБР типа «Дунфан-41». БРСД типа «Дунфан-25» создается на базе первой и второй ступеней МБР «Дунфан-31» с оснащением ее разделяющейся головной частью с тремя боеголовками индивидуального наведения на цель (эта система призвана заменить устаревшую БРСД «Дунфан-4»). МБР типа «Дунфан-41» создается как универсальная ракета, предназначенная для развертывания на двух типах мобильного ракетного комплекса: грунтового и железнодорожного базирования. По имеющейся информации, она будет оснащена разделяющейся головной частью с 6—10 боеголовками индивидуального наведения на цель.

Основные усилия в развитии морского компонента ядерных сил направлены на ускорение и повышение качества строительства ПЛАРБ проекта 094, одновременно модернизируется БРПЛ «Цзюйлан-2» с оснащением ее РГЧ индивидуального наведения. Кроме того, завершается создание

необходимой инфраструктуры для базирования ПЛАРБ на острове Хайнань (Южно-Китайское море). На перспективу планируется новая система ПЛАРБ проекта 096 с 24 БРПЛ «Цзюйлан-2» с РГЧ индивидуального наведения. Ожидается, что эта головная лодка будет спущена на воду в 2014—2015 гг.

Таким образом, ядерный потенциал КНР явно недооценивается мировым сообществом. По всей видимости, уже сейчас КНР является третьей после США и России ядерной державой, которая образует свой собственный класс, превосходя все остальные шесть ядерных государств вместе взятые. Кроме того, Китай — единственная держава помимо России и США, которая обладает техническими и экономическими возможностями быстрого и многократного наращивания ядерной мощи.

Вместе с тем с учетом огромной асимметрии в пользу США в количественных и качественных характеристиках СЯС и их системы управ-

ления и информационного обеспечения, в стратегическом балансе двух держав в настоящее время не существует не только примерного паритета, но и состояния взаимного гарантированного уничтожения (ответным ударом при всех условиях конфликта), которое является основой стратегической стабильности.

Такой потенциал есть с большим избытком у США, но его пока не имеет Китай, если исходить из наличия вышеупомянутых («оперативно развернутых») ядерных средств КНР. Гипотетический разоружающий (контрсилевой) удар США по разведанным объектам базирования китайских стратегических и нестратегических ядерных сил, по всей вероятности, мог бы поразить в одном пуске (вылете) более 90% этих средств²⁶. Развернутая и наращиваемая в АТР ПРО США и их союзников (включая ее элементы на Аляске и в Калифорнии), видимо, способна отразить удар подавляющей части способных пережить ядерный удар средств КНР. В обозримый период эволюция стратегического баланса двух держав будет определяться их программами в сфере наступательных и оборонительных вооружений стратегического класса и театра военных действий и возможными соглашениями в этой области.

Соединенные Штаты, как отмечено выше, никогда не признавали наличие отношений взаимного ядерного сдерживания или паритета с КНР (в отличие от ситуации, имеющейся в отношениях с Россией), как и вероятности формирования таких отношений в будущем. Американская концепция стратегической стабильности применительно к Китаю сводится к транспарентности СЯС, а не к взаимной способности ответного удара.

В стратегическом балансе США и КНР отношения ядерного сдерживания не только резко асимметричны, но и «размыты» региональными конфликтами и системами оружия, поддерживающими обязательства США по отношению к союзникам и партнерам (Тайвань, Япония, Южная Корея). Указанная политическая двусмысленность и стратегическая асимметрия крайне затрудняют классический вариант переговоров между сторонами.

Россия и Китай

Стратегические отношения этих двух держав еще более туманны и противоречивы. Официально наличия отношений взаимного ядерного сдерживания эти два стратегических союзника сейчас не признают.

Можно предположить однако, что СЯС и часть нестратегических ядерных средств России предназначены в том числе для сдерживания КНР. В «Военной доктрине Российской Федерации» от 2010 г. есть многозначительный намек на это обстоятельство: «Ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной

войны). В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт»²⁷.

По военно-политической логике упоминание региональной войны иносказательно может подразумевать только гипотетический конфликт с Китаем. Ведь неядерная война с США/НАТО ввиду геостратегических

реалий не может быть региональной, а региональная обычная война России с любым другим государством едва ли поставит под угрозу само существование российского государства. Исключением является только КНР в свете ее растущих преимуществ по силам общего назначения вблизи российских рубежей Восточной Сибири и Дальнего Востока²⁸.

Что касается Китая, то часть из его 50 МБР, возможно, нацелена на европейскую территорию России, а на Сибирь и Дальний Восток могут быть ориентированы все или преобладающая часть из 60 БРСД в Шеньянском и Ланчжоуском военных округах, а также некоторое количество из 150 китайских ядерных ОТР и КРНБ.

При этом у России сохраняется большое превосходство над КНР по стратегическим и оперативно-тактическим ядерным вооружениям, если учитывать приведенные выше данные по развернутым ядерным силам Китая. Исходя из доступной информации, можно предположить, что в обозримый период существенное

превосходство России будет поддерживаться как в количественных категориях, так и в способности нанесения первого или ответного удара.

Следует отметить, что Россия (СССР), как и США, никогда официально не признавала за Китаем права на взаимное ядерное сдерживание. В период советско-китайской вражды с конца 60-х до середины 80-х годов прошлого века Москва наряду с созданием мощной группировки сил общего назначения вдоль границы с КНР и в Монголии стремилась поддерживать безоговорочное ядерное превосходство за счет наступательных и оборонительных вооружений. А после улучшения двусторонних отношений и налаживания «стратегического партнерства» вопрос о взаимном ядерном сдерживании с КНР был «замят для ясности» в политических отношениях двух великих держав.

Так или иначе, с учетом политических и стратегических моментов переговоры по взаимному ограничению ядерного оружия между Россией и КНР имеют еще более сомнительную основу, чем между Китаем и США.

У России сохраняется большое превосходство над КНР по стратегическим и оперативно-тактическим ядерным вооружениям по имеющимся данным относительно развернутых систем. Исходя из доступной информации, можно предположить, что в обозримый период существенное превосходство России будет поддерживаться как в количественных категориях, так и в способности нанесения первого или ответного удара.

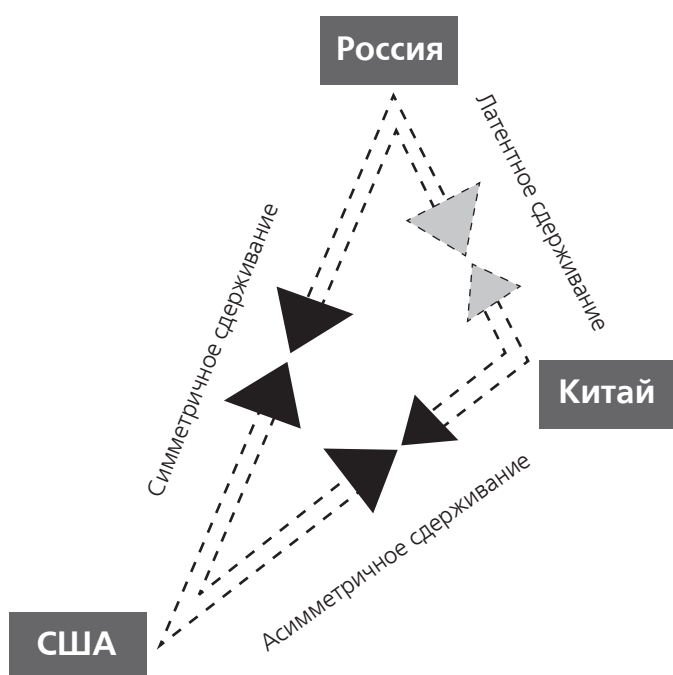

Рис. 1. Стратегический треугольник между Россией, США, КНР

Таким образом, стратегические отношения «тройки» крайне неоднородны и асимметричны, у них нет единой основы ни в политическом, ни в стратегическом плане (в виде принципов стабильности, паритета). «Треугольник» не только неравновесный, но и неоднородный (рис. 1).

Кроме того, КНР хранит в тайне уровень, состав и программу модернизации своих ядерных сил. Все это ставит под сомнение возможность трехсторонних переговоров по СНВ или по ограничению ядерного оружия — во всяком случае, в обозримой перспективе.

Роль ядерного оружия и ядерные доктрины

Из трех держав самую большую роль ЯО играет сейчас в концепции безопасности и военной доктрине России. Из-за ослабления своих сил общего назначения она остро ощущает уязвимость как на западе, так (негласно) и на востоке. В отношениях с США/НАТО Россию более всего беспокоит отставание по ПРО и стратегическим средствам в неядерном оснащении. В отношениях с Пекином Москву, видимо, подспудно тревожит растущий китайский потенциал сил общего назначения, прежде всего сухопутных войск в северных округах Поднебесной.

Соединенные Штаты делают меньший, чем Россия, упор на ЯО ввиду своего геостратегического положения и превосходства в самых передовых

силах общего назначения, ПРО и стратегических неядерных системах. Но ядерный потенциал остается для США атрибутом сверхдержавного статуса и опорой гарантий союзникам.

Из всей «тройки» КНР официально делает наименьший акцент на ЯО. Пекин не беспокоится по поводу баланса сил общего назначения ни с Россией, ни с США (или Индией). К тому же Китай пока принимает как данность отставание по ЯО и от США, и от России, хотя весьма озабочен американскими системами ПРО и БГУ.

Ядерные доктрины США и России, опубликованные в 2010 г., весьма схожи, они обе рассматривают ЯО как крайнее средство защиты и обе допускают его применение первыми.

США

Как гласит новая американская доктрина, «фундаментальная роль ядерного оружия США, пока существует ядерное оружие, состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров»²⁹. Соединенные Штаты «будут рассматривать возможность применения ядерного оружия только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США, их союзников и партнеров». Будет снижаться роль ЯО в сдерживании нападения с применением обычного, химического или биологического оружия. Соединенные Штаты «готовы объявить, что не будут использовать и угрожать использованием ядерного оружия против неядерных государств, которые являются участниками ДНЯО и выполняют свои обязательства по нераспространению»³⁰. Правда, это обязательство не относится к ядерным державам и странам, нарушающим Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО).

Видимо, подразумевая союзнические гарантии безопасности Японии и Южной Кореи, США сохраняют для себя возможность ядерного ответа на нападение с использованием обычного оружия или других видов оружия массового уничтожения (как сказано, «для узкого набора сценариев»). Иными словами, допускается применение ЯО не только в глобальном масштабе (как основа сдерживания ядерного нападения на США), но и для сдерживания на региональном уровне — как ответ на нападение на союзников с применением ядерного оружия, а в отдельных случаях и в качестве реакции на нападение с использованием других видов оружия массового уничтожения или обычных вооружений и сил.

Исходя из этих соображений, США «не готовы в настоящее время принять безоговорочную политику сдерживания ядерного нападения как единственного предназначения ядерного оружия, но будут действовать в направлении создания условий, при которых такая политика могла бы быть безопасно принята»³¹.

Россия

В современной российской военной доктрине указывается: «Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, — важнейшая задача Российской Федерации»³². Порядок применения ЯО определен следующим образом: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»³³.

Иными словами, во-первых, ядерные силы предназначены для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых, для первого ядерного удара в ответ на нападение на Россию и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих, для первого ядерного удара перед лицом неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, призвано дать ответ на угрозы, происходящие от превосходства расширившейся НАТО по силам общего назначения и по высокоточным обычным вооружениям, и, возможно, на вероятные опасности меняющейся не в пользу России стратегической ситуации на востоке.

Между двумя военными доктринами в их ядерных разделах есть лишь три существенных отличия. Первое — США оставляют за собой возможность применения ЯО против ядерных держав и неядерных стран, нарушающих ДНЯО (т. е. теоретически против 7 государств: России, КНР, а также Пакистана, КНДР, Ирана, Израиля и Индии, из которых последние два, понятно, не являются потенциальными «адресатами» такого удара). Россия оставляет за собой такое право в отношении ядерных государств и их союзников и партнеров (т. е. в общей сложности гипотетически около 40 стран).

Второе отличие — США допускают первый ядерный удар для защиты союзников от нападения с использованием обычных войск и сил (имея в виду Японию, Тайвань, Южную Корею, ряд стран НАТО), а Россия такого варианта не планирует. Со своей стороны, Москва предусматривает применение первой ЯО в ответ на широкомасштабное нападение с применением сил общего назначения, тогда как США об этом ничего не говорят (по понятным геостратегическим причинам они для такого нападения неуязвимы).

Видимо, подразумевая союзнические гарантии безопасности Японии и Южной Кореи, США сохраняют для себя возможность ядерного ответа на нападение с использованием обычного оружия или других видов оружия массового уничтожения («для узкого набора сценариев»).

В-третьих, США провозгласили возрастающий упор в стратегии сдерживания на неядерные наступательные и оборонительные системы и снижение роли ЯО. Россия считает такую линию дестабилизирующей и в последнее время (и с видом на будущее) повышает роль ядерного сдерживания в обеспечении национальной безопасности: особенно ярко это выразилось в решении о создании новой системы тяжелой МБР. При этом развитие оборонительных систем в рамках программы ВКО и высокоточных наступательных обычных вооружений является для России важным приоритетом, однако эти программы не вписаны в общую концепцию стратегической стабильности.

Китай

С КНР дела обстоят намного сложнее. Несмотря на кажущуюся цельность и лапидарность, позиция и политика Пекина в ядерной стратегической сфере весьма противоречивы.

С одной стороны, Китай — единственная из великих держав, которая на официальном уровне имеет обязательство о неприменении ЯО первой, причем без всяких оговорок. В китайской «Белой книге» под названием «Китайская национальная оборона в 2010 г.»³⁴ содержится призыв ко всем ядерным государствам «отказаться от политики ядерного сдерживания на основе применения ядерного оружия первыми, принять безоговорочное обязательство ни при каких условиях не использовать и не угрожать использованием ядерного оружия против неядерного государства или зоны, свободной от ядерного оружия... Ядерные государства должны вести переговоры и заключить договор о неприменении ядерного оружия первыми друг против друга»³⁵.

Подход КНР к стратегической стабильности отличается от российско-американского тем, что он не основан на примерном ракетно-ядерном паритете и концепции взаимного гарантированного уничтожения (ответным ударом). Касательно величины необходимых Китаю ядерных сил говорится, что они будут поддерживаться на минимальном уровне, «которого требует национальная безопасность»³⁶.

В то же время Китай — единственная из пяти великих держав — постоянных членов Совета Безопасности ООН и признанных пяти ядерных держав ДНЯО, которая не предоставляет никакой официальной фактической информации о своих ядерных силах и программах их развития.

В прошлом, когда китайский ВВП, военный бюджет и ядерные силы были весьма скромны, это спокойно воспринималось другими державами. Но в последнее десятилетие экономический рост КНР, ее выход на второе после США место в мире по величине военного бюджета, крупные программы модернизации ядерных и обычных сил и вооружений, впечатляющие военные парады на площади Тяньаньмэнь и все более амбициозная внешняя и военная политика изменили это отношение.

Теперь положения о «сугубо оборонительной ядерной доктрине», отказе от первого удара, поддержании «минимально необходимых» ядерных сил не будут приниматься на веру. Более того, без официальной информации о китайских ядерных силах и программах их развития, пусть самого общего характера, такие декларации будут производить прямо противоположный эффект — как показатель стремления скрыть правду и усыпить бдительность других государств.

Ныне тысячелетние китайские традиции, похоже, возрождаются в Поднебесной по многим направлениям и могут обретать большее значение, чем благозвучные положения нынешней официальной позиции КНР. В этой связи нелишне напомнить об идеях величайшего китайского военного теоретика (первого стратега в мировой истории) Сунь Цзы, высказанных в его трактате «Искусство войны». Две с половиной тысячи лет назад, когда на территории нынешней России и всех стран НАТО люди ходили в звериных шкурах и воевали дубинами, он писал: «Война — это путь обмана. Поэтому, даже если имеются большие возможности, показывая противнику отсутствие возможностей. Когда должен ввести в бой свои силы, притворись бездеятельным. Когда цель близко, показывая, будто она далеко»³⁷.

Как отмечено выше, по оценкам авторитетных российских специалистов, Китай наработал с начала 1960-х годов в общей сложности примерно 40 т оружейного урана и 10 т плутония. Этого достаточно для изготовления 3600 ядерных боезарядов³⁸, но скорее всего половина общего объема оружейных материалов держится в запасе, а из 1500—1800 изготовленных боезарядов половина размещена в хранилищах. Таким образом, до 800—900 ядерных боеголовок и авиабомб, как уже говорилось выше, могут быть предназначены для оперативного развертывания на носителях разных видов и типов³⁹. Все они могут развертываться в пределах досягаемости от России и примерно 90 единиц — от США.

Кроме того, КНР прилагает усилия для повышения живучести и эффективности своих наземных и космических систем предупреждения о ракетном нападении (СПРН), систем боевого управления и осуществляет программы научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в сфере ПРО и противоспутникового оружия. Большая неопределенность связана, как отмечалось выше, с построенными и строящимися в Китае тоннельными сооружениями, предназначение которых официально не объясняется⁴⁰.

Это особенно важно на фоне всеобъемлющей модернизации сил общего назначения КНР, ее превосходства в *этих* силах над всеми региональными соседями. Такая перспектива крайне беспокоит Индию, поскольку может поставить под сомнение кредитоспособность гарантий безопасности США Японии, Южной Кореи, Тайваню, побудить их к политике «умиротворения» Пекина или толкнуть на путь объединения

усилий и (или) военной (в том числе ядерной) самостоятельности (сведения о росте таких настроений в Японии недавно произвели сенсацию ⁴¹).

Также это вызывает опасения у стран Юго-Восточной Азии, с которыми КНР сталкивается из-за противоречий по поводу нефтяного шельфа Южно-Китайского моря.

Для России при всех планах «стратегического партнерства» с КНР эти тенденции чреваты тревожными последствиями для безопасности. Наращивание китайского потенциала ядерного удара по европейской части ее территории будет означать блокирование преимуществ России по ядерным средствам средней дальности и оперативно-тактического класса, которые пока еще компенсируют превосходство обычных вооруженных сил и вооружений КНР вблизи Сибири и российского Дальнего Востока.

С китайским безоговорочным обязательством неприменения ЯО первыми тоже далеко не все ясно. Обычно считается, что ядерная держава, отказавшаяся от первого удара, опирается на концепцию и средства ответного (второго) удара.

Однако, по общепринятым оценкам, развернутые китайские стратегические ядерные силы в том виде, в каком о них знают за рубежом, слишком уязвимы и недостаточно эффективны, чтобы обеспечить воз-

можность ответных действий после гипотетического разоружающего ядерного удара со стороны США или России. Тем более что китайские СЯС не обладают возможностью ответно-встречного удара по информации СПРН ввиду уязвимости и малой эффективности таких систем и комплекса боевого управления.

Главный парадокс ядерной доктрины КНР состоит в том, что если ее ядерные силы столь ограничены, как считает большинство зарубежных источников, то они не способны к ответному удару и скорее всего имеют оперативную ориентацию на упреждающий удар.

Китайский потенциал ответного удара может быть состоятелен только в том случае, если в подземных

тоннелях хранится крупный резерв ракетно-ядерных сил, о котором неизвестно вероятному противнику и который обладает высокой живучестью, хотя и не может быть использован немедленно. Для усиления эффекта сдерживания в момент кризиса часть этого резерва может быть показана миру, чтобы разрушить планы врага.

В таком случае Китай — третья ядерная держава после США и России. Более того, ядерные силы КНР, видимо, больше сил всех остальных шести ядерных государств вместе взятых. Можно предположить, что истинные мотивы полной засекреченности информации о китайских ядерных силах объясняются не «слабостью» и «малочисленностью», а избыточностью ядерного потенциала КНР. При этом экономический

Китайский потенциал ответного удара может быть состоятелен только в том случае, если в подземных тоннелях хранится крупный резерв ракетно-ядерных сил, о котором неизвестно вероятному противнику и который обладает высокой живучестью, хотя и не может быть использован немедленно.

и технический потенциал КНР позволяет осуществить быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений.

Китай и системы ПРО

Вероятность наращивания ядерных сил КНР создает существенный, хотя и признаваемый официально стимул для развития системы ПРО США и их союзников на Дальнем Востоке. Хотя непосредственным основанием является отражение ракет КНДР, в реальности посредством противоракетной обороны Вашингтон, видимо, стремится максимально затруднить и отдалить перспективу обретения Китаем потенциала ядерного сдерживания на основе гарантированной возможности ответного удара по США, не говоря уже о достижении стратегического паритета. По понятным причинам это вызывает в Китае еще большую озабоченность, чем в России ПРО НАТО. Он отвечает развитием средств преодоления ПРО, противоспутниковой системы и собственной системы ПРО.

Немалую тревогу Пекина вызывали переговоры Россия-США/НАТО о сотрудничестве в развитии ПРО в Европе, которые в КНР воспринимались как военное сближение двух держав против Китая. Российское предложение о создании общей «секторальной» системы ПРО, в которой каждая сторона будет перехватывать ракеты, летящие над ее пространством в направлении другой стороны, оставило без ответа ряд кардинальных вопросов. Например, должна ли Россия перехватывать ракеты Китая, летящие над российской территорией в сторону США или Западной Европы?

По определению стратегическая ПРО имеет глобальный характер, все ее элементы должны быть интегрированы в единый комплекс, особенно в части информационно-управляющих систем. Один из участников развития советской системы ПРО Михаил Ходаренок отмечает: «Еще непонятнее с инженерно-технической точки зрения выглядит предложенный Москвой “секторальный” принцип построения ПРО. Даже если отнести его только к ПРО европейского континента, то и в этом случае в подобной системе должны быть как минимум общие командный пункт, цифровой вычислительный комплекс и линии передачи данных, а вся система должна управляться по единым боевым алгоритмам. В этом случае требуется все станции обнаружения и слежения, вычислительные и командные узлы, стартовые позиции перехватчиков объединить быстродействующими, автоматизированными, безотказными линиями связи. Боевой цикл системы перехвата БР (баллистической ракеты. — *А. А., В. Д.*) от обнаружения того, что надо распознать как цель, до подрыва боевой части противоракеты составляет всего несколько минут. Для управления такой “сверхсистемой” необходим

чрезвычайно масштабный и исключительно сложный программно-алгоритмический комплекс»⁴².

Так или иначе, если США допускали возможность сотрудничества по ПРО с Россией, то о взаимодействии в этой сфере с Китаем среди американских политиков и экспертов речи никогда не было. Создание совместной или сопряженной ПРО России с США могло быть воспринято Пекином как «антикитайский сговор», что было бы чревато большими осложнениями военно-политических отношений России с КНР, форсированным наращиванием китайских ядерных сил с прямым ущербом для российской безопасности.

Поэтому Китай постоянно как бы незримо присутствовал на переговорах Москвы и Вашингтона по ПРО, хотя эта проблема ни в Брюсселе, ни на двусторонних саммитах открыто не обсуждалась.

Провал переговоров временно снял озабоченность Китая по этому поводу, но вероятность их возобновления остается важным моментом стратегического планирования КНР, особенно в связи с тем, что США и Россия поставили развитие новейших оборонительных систем на приоритетное место в военной политике и продолжают эти программы в достаточно широком масштабе.

США

Помимо космических информационно-управляющих систем глобального масштаба к началу 2012 г. система ПРО США включала:

- 3 радаров раннего предупреждения: Симия (Аляска) L-диапазона, Бил (Калифорния), Файлингдейлс (Великобритания), Туле (Гренландия) UHF-диапазона;
- 5 мобильных радаров AN/TPY-2 передового базирования X-диапазона, из которых три работают в режиме боевого дежурства: Шарики (остров Хонсю, Япония), пустыня Неватим (Израиль), район Малатья (Турция), один на острове Уэйк (Маршалловы острова) используется при испытаниях системы ПРО и один в зоне ответственности Центрального командования США;
- мобильный радар SBX X-диапазона на морской платформе в Тихом океане у острова Адак (Аляска);
- 30 противоракет наземного базирования ГБИ (GBI — Ground-Based Interceptor), из них 26 на Аляске в Форт-Грили на опытной (6) и первой боевой (20) площадках и 4 на авиабазе Ванденберг в Калифорнии с центрами боевого управления в Форт-Грили и Колорадо-Спрингс;
- 23 корабля (5 крейсеров и 18 эсминцев) «Иджис» ПРО версии 3 (из них 2 версии 4), несущие в общей сложности 158 противоракет, в том числе 72 противоракеты «SM-2 Block IV» и 86 про-

тиворакет SM-3, из которых 3 новой модификации SM-3 1B; к Тихоокеанскому флоту приписаны 16 кораблей (5 в порту Йокосука, 6 в Пёрл-Харборе и 5 в Сан-Диего), к Атлантическому — 6 (5 в порту Норфолк и 1 в Мэйпорте);

- 2 комплекса ТХААД с 2 радаром AN/TPY-2, 6 пусковыми установками на 8 ракет каждая, снабженные в настоящее время 18 ракетами;
- противоракетные комплексы «Пэтриот»: 56 пусковых установок на 16 ракет каждая, 903 ракеты ПАК-3.

Как следует из приведенных данных, на Азиатско-Тихоокеанский регион ориентированы 2 из 3 больших стационарных радаров СПРН, 2 из 4 мобильных РЛС, все 30 стратегических перехватчиков ГБИ перекрывают азимуты ударов из АТР, там развернуто 16 из 23 кораблей с системой «Иджис».

Кроме того, РЛС и перехватчики ПРО размещены на территориях и флотах союзников и партнеров США, с ними ведутся совместные технические разработки — речь идет о Японии, Южной Корее, Тайване, Австралии и Филиппинах (в случае с двумя последними странами это планируется)⁴³. В частности, в Японии располагается эшелон ПРО, состоящий из группировки кораблей США в порту Йокосука, оснащенных боевой информационной управляющей системой (БИУС) «Иджис» с ракетами SM-3 1A (2 крейсера) и SM-2 (7 эсминцев), мобильного радара AN/TPY-2 и пункта управления и сопряжения C2BMC. Кроме американских кораблей, БИУС «Иджис» с ракетами SM-3 1A и SM-2 установлена на 6 японских эсминцах типов «Конго» (4) и «Атаго» (2). Второй эшелон ПРО Японии составляют комплексы ПРО ТВД «Пэтриот» Сил самообороны Японии с ракетами ПАК-3. Также Япония предполагает приобрести комплексы ТХААД.

Что касается Европы, то в сентябре 2009 г. президент Обама отменил план по созданию третьего позиционного района на этом континенте, отдав предпочтение «Европейскому поэтапному адаптивному подходу» (ЕПАП), в рамках которого большее внимание уделяется борьбе с ракетами средней и промежуточной дальности, а не с МБР (Иран недавно испытал твердотопливную ракету с дальностью действия в 2000—2500 км). ЕПАП включает четыре этапа создания ПРО в Европе: первый предусматривает развертывание ракет-перехватчиков «SM-3 Block IA» корабельного базирования к 2011 г., второй — развертывание противоракет «SM-3 Block IB» на море и на суше (в Девенсалу, Румыния) к 2015 г., третий — размещение «SM-3 Block IIA» на суше (в Польше) и на кораблях к 2018 г., четвертый — развертывание

Создание совместной или сопряженной ПРО России и США могло быть воспринято Пекином как «антикитайский сговор», что было бы чревато большими осложнениями военно-политических отношений России с КНР, форсированным наращиванием китайских ядерных сил с прямым ущербом для российской безопасности.

в Европе перехватчиков «SM-3 Block IIB» наземного и морского базирования к 2020 г.⁴⁴

К 2020 г. ударные средства системы ПРО США будут включать: 50 шахтных ПУ ГБИ в двух позиционных районах, в которых будет размещено до 40 противоракет ГБИ, 44 корабля и 2 наземные базы, оснащенные БИУС «Иджис» ПРО, не менее 9 батарей (27 ПУ) ТХААД, 15 батарей (60 ПУ) «Пэтриот». Для перехвата ракет на среднем участке траектории может применяться не менее 474 противоракет, а именно: до 40 противоракет ГБИ, 21 SM-3 1A, 373 SM-3 1B, не менее 25 ракет SM-3 2A, 25 SM-3 2B. На конечном участке может быть задействовано не менее 1770 ракет: 70 «SM-2 Block IV», 503 ТХААД и 1198 ПАК-3.

При всей внушительности этих планов к 2020 г. стратегическим потенциалом — теоретической возможностью перехватить российские МБР на начальном, среднем и конечном участках траектории — будут обладать только порядка 40 противоракет ГБИ на территории США и 50 противоракет SM-3 2A и SM-3 2B в Европе⁴⁵. Но даже такое предположение не учитывает передовых средств преодоления ПРО на российских ракетах, которые сводят возможность их перехвата на среднем участке траектории к минимуму (до нескольких боеголовок).

Россия

Система Воздушно-космической обороны России помимо космической группировки СПРН и управления включает прежде всего комплекс ПРО А-135 вокруг Москвы⁴⁶ с тремя РЛС⁴⁷ и стартовые позиции противоракет ближнего перехвата 53Т6 («Gazelle»)⁴⁸ и дальнего перехвата 51Т6 («Gorgon»)⁴⁹, которые размещены в шахтных пусковых установках⁵⁰. Как пишет генерал-полковник Виктор Есин⁵¹, после выхода США из Договора по ПРО военно-политическим руководством России было принято решение о глубокой модернизации всех структурных элементов системы ПРО А-135⁵², которая останется зональной противоракетной системой, хотя и со значительно расширенными боевыми возможностями.

В переданных из ВВС трех бригадах ВКО, прикрывающих Центральный промышленный регион, в общей сложности насчитывается 12 зенитных ракетных полков (32 дивизиона), вооруженных в подавляющем большинстве мобильной зенитной ракетной системой (ЗРС) С-300 трех модификаций⁵³. Два зенитных ракетных полка двухдивизионного состава, прикрывающих Московский регион, вооружены мобильной ЗРС нового поколения С-400⁵⁴.

Устаревшая ЗРС С-300ПС, которая была принята на вооружение в 1982 г. и поставки которой в Вооруженные силы были прекращены в 1994 г., подлежит замене, а ЗРС С-300ПМ, принятая на вооружение в 1993 г., — модернизации по программе «Фаворит» до уровня С-300ПМУ⁵⁵.

Как отмечает Виктор Есин, «Государственная программа вооружений Российской Федерации на 2011—2020 годы» в части, касающейся поставки войскам ЗРС С-400, разработки перспективных зенитных ракетных систем и их принятия на вооружение, до 2015 г. предусматривает поставить в войска 9 полковых комплектов ЗРС С-400⁵⁶, доведя до кондиции зенитную управляемую ракету (ЗУР) большой дальности 40Н6⁵⁷. В 2013 г. предстоит завершить начатые в 2007 г. опытно-конструкторские работы по проекту ЗРС «Витязь»⁵⁸ проведением государственных испытаний (чтобы не позднее 2014 г. принять эту зенитную ракетную систему на вооружение). В 2015 г. должна быть завершена начатая в 2011 г. разработка зенитной ракетной системы нового поколения С-500⁵⁹.

Неизвестно, какая часть ВКО будет прикрывать азиатскую территорию России, но с учетом развития Китаем МБР защита европейского района теоретически тоже может отразиться на эффективности китайского потенциала ядерного сдерживания.

В целом отметим, что авторитетные российские специалисты (например, академики Юрий Соломонов, Сергей Рогов, генералы Виктор Есин, Павел Золотарев, адмирал Валентин Кузнецов, наряду со многими другими) однозначно свидетельствуют: как нынешняя, так и прогнозируемая на 10—15 лет вперед американская ПРО не способна повлиять на российский потенциал ядерного сдерживания⁶⁰. Этот вывод справедлив как для российских СЯС в рамках потолков Договора СНВ (700 носителей и 1550 боезарядов), так и для гипотетически возможного следующего договора с понижением потолка, например, до 1000 боезарядов на развернутых носителях⁶¹.

Попытка создать ПРО для защиты от российских стратегических сил потребовала бы таких колоссальных средств и дала бы столь сомнительные плоды, что скорее нанесла бы ущерб безопасности самих США. Разумеется, это так при поддержании достаточного потенциала малоуязвимых стратегических ядерных сил России в рамках договоров по СНВ при оптимальной их модернизации.

То же справедливо для оценки возможностей российской ВКО по защите от первого или ответного удара американских ядерных средств. Иными словами, и российская оборона не подорвет потенциал ядерного сдерживания США, хотя официально предназначена для отражения удара «средств воздушно-космического нападения», которые пока есть только у США и их союзников. Впрочем, похоже, там об этом и не беспокоятся — в отличие от России, которая весьма озабочена американской системой и программой ПРО.

Что касается Китая, то ситуация не столь ясна. Возможность американской ПРО и российской ВКО поставить под сомнение китайский потенциал сдерживания будет во многом зависеть как от эффективности

этих систем, так и от живучести ядерных сил Китая. В настоящее время, как отмечалось выше, степень живучести и боеготовности примерно 50 китайских МБР и 100 БРСД оставляет мало надежд на сохранение достаточного их количества для прорыва ПРО США — после гипотетического массированного удара ракетно-ядерных сил противостоящей державы при любом сценарии начала конфликта (если в китайских тоннельных хранилищах нет резервных ракет).

Видимо, осознавая эту проблему, КНР вкладывает большие ресурсы в создание морского компонента стратегической триады. Правда, выход в открытый океан из военно-морских баз Китая закрыт островной цепью Япония — Рюкю — Тайвань — Филиппины — Малайзия — Индонезия, опираясь на которые, могут действовать мощные противолодочные силы США, Японии и ВМС Южной Кореи и Тайваня.

Однако, вероятно, Китай рассчитывает обеспечить боевую устойчивость своих ПЛАРБ в море путем прикрытия их другими средствами и силами военно-морских сил и береговых систем борьбы с флотом США. По имеющимся сведениям⁶², на первом этапе (до 2015 г.) Китай планирует создать военно-морской потенциал (включая береговые ракетные средства) для эффективного противодействия флотам США, Японии и других государств в «ближней зоне» — Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях (на острове Хайнань находится база подводных лодок). На втором этапе (2015—2020 гг.) предполагается получить в названных акваториях полное военное превосходство, а в «средней зоне» — Охотском, Японском морях и морях Индонезийского архипелага, а также на морских пространствах до Марианских, Каролинских островов и Новой Гвинеи обеспечить китайскому флоту возможность активного противодействия военно-морским силам США. На следующем этапе (после 2020 г.) Китай рассчитывает на военно-морское господство в упомянутой «средней зоне», а в «дальней зоне» (до Гавайских островов) намерен получить возможность противодействия флоту США.

Грандиозные военно-морские планы Китая также включают развертывание баз и сил флота в Индийском океане для контроля над коммуникациями поставок энергоресурсов из Персидского залива и Африки.

Что касается морских стратегических сил КНР, то угроза для них исходит не только от американско-японской противолодочной обороны. Помимо этого Китай весьма озабочен возможностью США отразить удары БРПЛ с помощью систем ПРО на Аляске и в Калифорнии (ГБИ), а также на боевых кораблях США и на наземных базах и кораблях Японии (система «Иджис»/СМ-3). В уникальном по военной детализации и техническим расчетам исследовании китайских специалистов⁶³ доказывается, что такая многоэшелонная ПРО будет весьма эффективна против китайских БРПЛ, запускаемых с подводных лодок из мелководных прибрежных морей, где эти подводные лодки могут быть под защитой

флота КНР и где их труднее обнаружить системам противолодочной обороны США и Японии.

В случае выхода ПЛАРБ Китая в открытый океан противолодочным силам противника было бы легче бороться с ними, но при запуске БРПЛ с южных азимутов по территории США упомянутая система ПРО не смогла бы отразить удар. Для этого потребовалось бы ее значительное наращивание с добавлением космических и морских систем обнаружения и сопровождения, усовершенствованных наземных и корабельных систем ракет-перехватчиков. Впрочем, США способны создать такую систему ПРО, если поставят цель и дальше сдерживать рост китайского потенциала ракетного удара.

Стратегические ракеты в неядерном оснащении

Соединенные Штаты стремятся ослабить зависимость их гарантий союзникам от ЯО путем развития не только оборонительных, но и наступательных вооружений в обычном оснащении.

Это вызывает огромную озабоченность в Китае, который особенно обеспокоен развитием американских средств большой дальности с неядерным высокоточным оружием (ВТО): крылатых ракет морского и воздушного базирования в сочетании с космическими системами разведки, навигации и связи.

Не меньшую тревогу в Китае вызывает перспектива создания ракетно-планирующих гиперзвуковых систем с высокоточным обычным оружием в рамках американской концепции «Быстрого глобального удара». Там также обеспокоены экспериментами с космическим самолетом Х-37В в апреле 2010 г.⁶⁴ и испытаниями различных ракетно-планирующих систем.

Нынешние и разрабатываемые системы ВТО США детально описаны Евгением Мясниковым⁶⁵. Согласно ядерной доктрине США от 2010 г. все ядерные крылатые ракеты будут сняты с вооружения. При этом КРМБ большой дальности «Томахок» в обычном оснащении будут играть всё возрастающую роль. Они запускаются из торпедных аппаратов и вертикальных пусковых установок, размещенных практически на всех многоцелевых подводных лодках и многих надводных кораблях ВМС США. Наибольшей ударной мощностью обладают четыре стратегические атомные подводные лодки типа «Огайо», которые переоборудованы в носители КРМБ⁶⁶. Каждая из них способна нести до 154 КРМБ «Томахок», причем две лодки развернуты на Тихом океане. На вооружении ВМС США находятся 53 многоцелевые атомные подводные лодки⁶⁷, 30 из которых развернуты на Тихом океане.

Эсминцы типа DDG-51 («Arleigh Burke») и крейсера CG-47 («Ticonderoga») оснащены универсальными вертикальными пусковыми установками и могут осуществлять пуск КРМБ наряду с ракетами ПРО, ПВО и противолодочной обороны. На конец 2010 г. в боевом составе ВМС США находилось 59 эсминцев и 22 крейсера⁶⁸. Из них 34 эсминца и 12 крейсеров входят в состав ВМС на Тихом океане. Максимальная загрузка крейсеров CG-47 составляет 122, а эсминцев DDG-51 и DDG-1000 — соответственно 90 и 80 КРМБ⁶⁹, однако боекомплект этих ракет обычно составляет от трети до половины полной загрузки.

Общее максимальное число КРМБ на подводных лодках ВМС США к 2020 г. может составить до 1600 единиц, а на надводных кораблях — 4700 ракет⁷⁰. Не менее 60—70% этих средств будут развернуты на Тихом океане.

Вероятность контрсилового нападения США с применением ВТО разрушает сакраментальную ядерную доктрину Китая, основанную на безоговорочном отказе от применения ядерного оружия первым, поскольку из этого обязательства следует, что КНР не ответит ядерным возмездием на нападение с применением высокоточных обычных вооружений.

Для нанесения обычных высокоточных ударов по территории противника может быть задействована и палубная авиация ВМС США. В настоящее время в боевом составе ВМС США имеется 11 авианосцев, и к 2020 г. их предполагают сохранить в том же количестве. В составе авиакрыла на борту авианосца обычно находится 36 самолетов ударных типов⁷¹.

Крылатые ракеты воздушного базирования находятся на вооружении тяжелых бомбардировщиков. Бомбардировщики, оснащенные неядерным вооружением, не учитываются в разрешенных уровнях для носителей и боезарядов согласно Договору по СНВ, и меры контроля над ними носят весьма ограниченный характер⁷².

Как отмечает Евгений Мясников, основным недостатком находящихся на вооружении США крылатых ракет является относительно низкая скорость. Поэтому ведется разработка сверхзвуковых ракет по программе RATTLRS (Revolutionary Approach To Time Critical Long Range Strike). Ракету со скоростью полета 4,5М (М — число Маха) планируется использовать для поражения береговых объектов на дальности до 1000 км. Проект «ArcLight», осуществляемый агентством DARPA, нацелен на создание ударной системы большой дальности морского базирования на основе перехватчика «Стандард» SM-3, оснащаемой гиперзвуковым аппаратом с боевой нагрузкой и дальностью более 3300 км. Ракеты предполагалось размещать в вертикальных пусковых установках кораблей и подводных лодок. Совместно с ВВС США фирма «Boeing» осуществляет разработку гиперзвукового аппарата X-51A («WaveRider») с прямоточным воздушно-реактивным двигателем. Предполагается, что этот аппарат станет прототипом ракеты

авиационного базирования, которая будет иметь дальность пуска до 1200 км и скорость не менее 6М⁷³.

В рамках программы «Быстрый глобальный удар»⁷⁴ разрабатываются системы, способные решить задачу доставки боевой нагрузки в течение часа практически в любую точку земного шара, на что сейчас способны лишь МБР и БРПЛ, причем только в ядерном оснащении. Появление таких средств на вооружении ожидается не ранее 2020 г.⁷⁵ Работы по программе БГУ велись в трех основных направлениях, нацеленных на проведение испытаний гиперзвуковых аппаратов НТВ-2 (Hypersonic Technology Vehicle), АНВ (Advanced Hypersonic Vehicle) и стратегических ракет в неядерном оснащении (CSM — Conventional Strategic Missile)⁷⁶. Они используют баллистические носители и высокоманевренные управляемые гиперзвуковые планирующие аппараты. Первые два испытательных полета НТВ-2 состоялись в апреле 2010 г. и августе 2011 г. Оба они прошли по сходным сценариям. Пуски были осуществлены с помощью носителей «Minotaur IV Lite» («облегченный» носитель с четырьмя ступенями, три из которых — ступени МБР МХ) с космодрома Ванденберг. Хотя испытания были неудачными, разработка этих систем продолжается.

Интересно, что, как и Россия, Китай проецирует угрозу применения таких систем исключительно на себя. При этом сценарий конфликта, который повсеместно и всерьез рассматривается в Китае, — это вооруженное столкновение с США из-за попытки Пекина решить тайваньскую проблему силовым путем⁷⁷. Но этим дело не ограничивается, между двумя державами — при всей их огромной финансово-экономической взаимозависимости — можно прогнозировать острые противоречия из-за соперничества за доминирование в западной части Тихого океана. Растущий Китай считает ее своей естественной зоной жизненных интересов как в стратегическом, так и в военно-политическом смысле. А США не намерены уступать нынешнего военного господства над этим пространством, куда вложены очень большие экономические и политические инвестиции и где существуют обязательства перед союзниками и партнерами в регионе.

На стратегическом уровне большое беспокойство Пекина связано с возможностью контрсиловых неядерных ударов по ядерным силам Китая. Отметим, что Россия тревожится по поводу такой вероятности применительно к себе⁷⁸, имея 170 грунтово-мобильных МБР и 150 ракет шахтного базирования в состоянии высокой боеготовности помимо других составляющих триады и мощных оперативно-тактических ядерных средств. Кроме того, в российской военной доктрине ясно дано понять, что удары с применением ВТО по ядерным силам России вызовут ответный ядерный удар.

Поэтому понятна озабоченность КНР, имеющей всего 50 МБР, способных достичь территории США. Вероятность контрсилового напа-

дения США с применением ВТО разрушает сакраментальную ядерную доктрину Китая, основанную на безоговорочном отказе от применения ЯО первым. Из этого обязательства следует, что КНР не ответит ядерным возмездием на нападение с применением высокоточных обычных вооружений. Во всяком случае, в Пекине опасаются, что США будут рассчитывать на подобную его нерешительность, если он не скорректирует свою доктрину.

Между тем Китай придает своему обещанию не применять ЯО первым огромное политическое значение. Если в рамках этого обязательства будет сделано исключение для случая нападения на КНР с применением обычных вооружений, то его доктрина по существу ничем не будет отличаться от военной доктрины России и ряда других стран и потеряет политическую уникальность.

Военно-политическая обстановка в западной части Тихого океана еще более осложняется вследствие переплетения проблематики наступательных и оборонительных неядерных систем и сценариев боевых действий. В Китае, вероятно, полагают, что упомянутые системы ВТО США смогут наносить массированные и многократные разоружающие удары по его высокоточным ракетным средствам в неядерном оснащении и их системе управления, предназначенным для удара по флоту США, прежде всего по авианосцам и кораблям с КРМБ и системами ПРО. Новейшие разрабатываемые в США ракетно-планирующие гиперзвуковые системы БГУ предположительно смогут прорывать плотную эшелонированную систему ПВО КНР, прикрывающую их собственные ракетные средства берегового базирования.

На эти системы в неядерном оснащении Китай делает большой упор в своей военной политике — прежде всего на БРСД с высокоточными обычными головными частями для удара по флоту США (в частности, вокруг Тайваня) и американским базам на территории союзников. В первую очередь речь идет о ракетной системе «Дунфан-21» с самонаводящимися головными частями и оперативно-тактических ракетах «Дунфан-15», «Дунфан-11», а также о КРНБ «Дунфан-10» в неядерном оснащении⁷⁹. Китайские ОТР развернуты, по разным данным, в количестве до 300—500 единиц и могут наносить удары по Тайваню. На этом пути военно-технического развития КНР достиг больших успехов: ОТР «Дунфан-15» могут держать американские авианосцы под ударом на расстоянии 1000 км от берега, БРСД «Дунфан-21Д» — на дистанции 2200 км, а новые БРСД «Дунфан-25» в обычном снаряжении призваны заставить надводный флот США избегать приближаться к берегу ближе 3200 км — далеко за пределами действия палубной авиации и даже КРМБ типа «Томахок» на крейсерах и эсминцах. Эти китайские ракеты оснащены гиперзвуковыми планируемыми управляемыми головными частями. Для обеспечения их наведения Китай осуществляет

крупные программы разработки орбитальных, стратосферных и авиационных систем разведки и целеуказания⁸⁰.

При этом в китайской профессиональной военной литературе подчеркивается, что указанные наступательные средства в случае кризиса должны применяться в первом ударе, как только военно-морские соединения противника войдут в зону досягаемости ракет КНР⁸¹. Если эта тактика будет реализована на практике, то любой будущий кризис вокруг Тайваня может выйти из-под политического контроля сторон и вылиться в вооруженный конфликт с последующей неуправляемой эскалацией.

В свою очередь, Соединенные Штаты и их союзники развертывают свои системы ПРО морского и наземного базирования, в том числе для отражения китайских ударов с применением высокоточных средств в обычном оснащении по американским кораблям и наземным объектам на Тайване, в Японии, Южной Корее и на Филиппинах. Этот клубок военно-технических и оперативно-стратегических факторов и противоречий серьезно затрудняет попытки ограничения вооружений и согласования мер доверия в регионе, а по ряду направлений — на глобальном уровне.

Китай и ограничение ядерных вооружений

Вопреки распространенному мнению отношения КНР и России во многих случаях не более близки, чем отношения России и США или Китая и США.

На обозримое будущее США и Россия имеют противоречащую китайской линии общую позицию по следующим вопросам: отказ принять требование КНР о безоговорочном обязательстве неприменения ядерного оружия первыми; отказ объявить, что использование ядерного оружия или угроза им никогда не будут направлены против неядерного государства; намерение (во всяком случае, все еще провозглашаемое) вести совместное развитие систем ПРО (к которому КНР не приглашается); стремление к большей открытости ракетно-ядерных сил и программ КНР; призывы к скорейшему подключению КНР к разоружению; отказ от заключения договора (конвенции) о всеобщем ядерном разоружении с конкретными сроками и от объявления ядерного оружия «вне закона»; отказ отменить ядерные гарантии безопасности союзникам.

Со своей стороны, Соединенные Штаты и Китай объединяют в противовес России стремление вести дело к следующему договору по СНВ со значительным снижением количества ядерных вооружений; стремле-

ние ограничить нестратегическое (тактическое) ядерное оружие США и России (о Китае речь пока не идет), желание ограничить ЯО США и России на складском хранении.

Наконец, Россия и Китай вопреки США согласны в том, что касается необходимости ограничения глобальных и региональных систем ПРО; ограничения высокоточных обычных вооружений большой дальности, ограничения космических и стратегических ракетно-планирующих доорбитальных ударных средств. Также для них неприемлемо предложение НАТО по перемещению нестратегических ядерных вооружений России с запада на восток.

Китай — единственная страна помимо США и России, обладающая экономическим и техническим потенциалом многократного наращивания СЯС в течение последующих 10—15 лет. Даже простая замена ракет межконтинентальной и средней дальности с моноблочных на многозарядные может увеличить число боезарядов КНР в пять-шесть раз (по сравнению с нынешним уровнем в 200 единиц), как произошло с СЯС США и стратегическими силами СССР в первой и второй половине 1970-х годов соответственно.

Поэтому уже сейчас возникла необходимость учитывать китайские ядерные силы и программы их развития при обсуждении любого следующего российско-американского соглашения по сокращению стратегических вооружений после нового Договора СНВ.

Отличие в данном плане Великобритании и Франции в том, что они союзники США, их силы сокращаются, они достаточно открыты и предсказуемы, у них нет и не предвидится потенциала быстрого наращивания ЯО.

В этом огромная важность транспарентности, которая уточнила бы реальный размер, характеристики и потенциал наращивания китайских ядерных сил.

Официальная позиция Пекина состоит в том, что «...страны, обладающие наибольшими ядерными арсеналами... должны и в дальнейшем решительно сократить свои арсеналы проверяемым, необратимым и юридически обязывающим способом, с тем, чтобы создать условия для полной ликвидации ядерных вооружений. Когда возникнут соответствующие условия, другие ядерные государства должны также присоединиться к многосторонним переговорам по ядерному разоружению»⁸².

На первый взгляд общие размеры ядерных арсеналов России и США неизмеримо больше того, что есть у КНР, если считать средства всех классов в статусе оперативного развертывания и на складском хранении даже с поправкой на возможный резерв Китая в тоннелях (рис. 2). Согласно независимым экспертным оценкам две ведущие державы имеют как минимум 6—7-кратное превосходство над КНР.

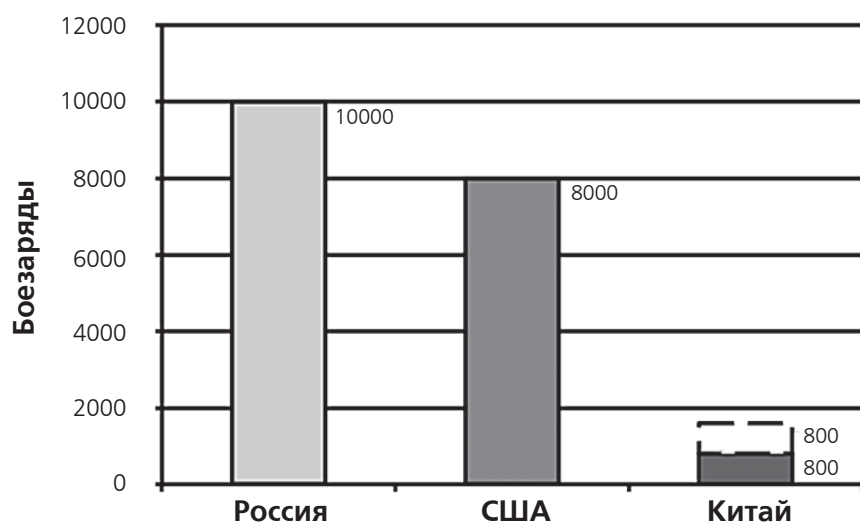

Рис. 2. Ядерное оружие России, США и КНР

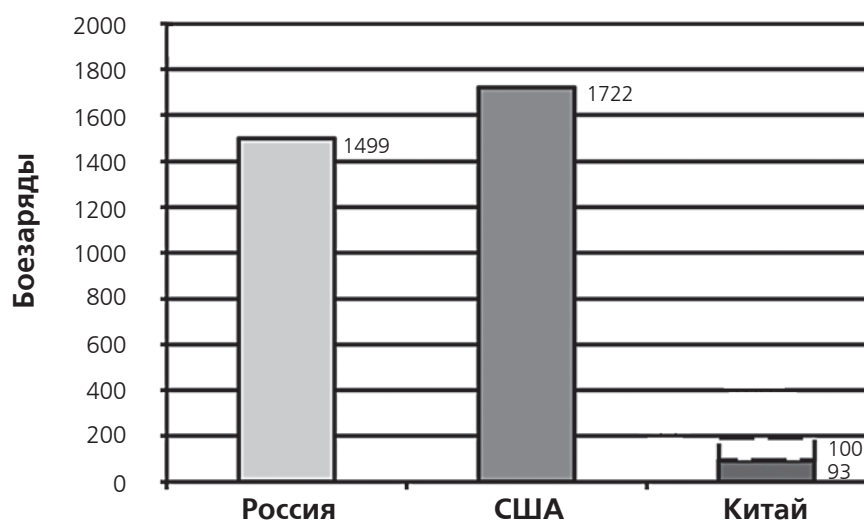

Рис. 3. Стратегическое оружие России, США и КНР (правила засчета Договора СНВ 2010 г.)

Впрочем, поскольку речь идет только о системах, охваченных Договором СНВ, превосходство России и США выглядит еще более внушительным (рис. 3).

Соотношение несколько меняется в пользу КНР, если учитывать не только СЯС, но и ракеты средней дальности и оперативно-тактического класса (дальностью 500—5500 км), которые были ликвидированы в СССР и США по Договору РСМД от 1987 г. Поскольку Китай не является участником этого соглашения, но его соответствующие вооружения могут достичь территории России (как и американских партнеров: Японии, Южной Кореи, Тайваня, а также Индии), есть определенная логика

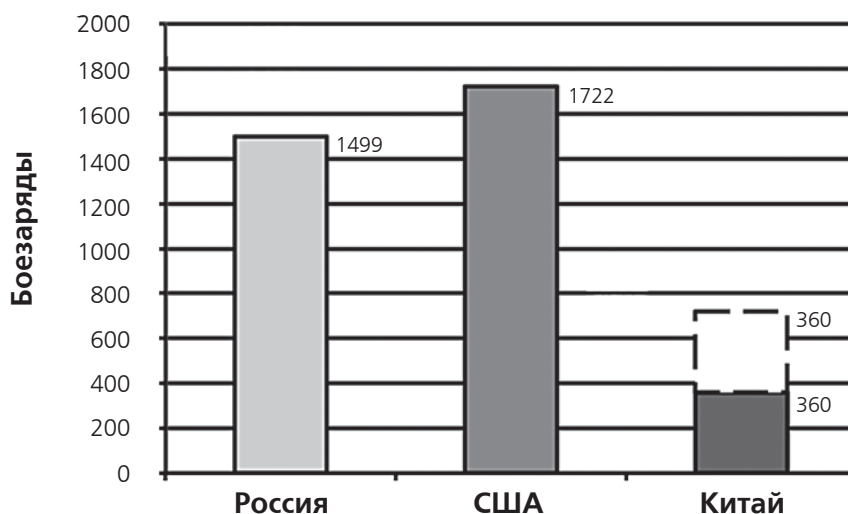

Рис. 4. СЯС и достратегические средства России, США и КНР (правила засчета договоров СНВ 2010 г. и РСМД 1987 г.)

в сравнении всех стратегических вооружений и ракет средней и меньшей дальности трех государств (рис. 4).

Наконец, поскольку речь идет о возможном дальнейшем сокращении СЯС России и США и необходимости при этом учитывать ядерное оружие КНР, нельзя упускать из виду временной диапазон в 10—15 лет. За это время Китай способен не только увеличить число носителей ЯО, но и заменить моноблочные ракеты на многзарядные, которые разрабатываются в настоящее время («Дунфан-41», «Дунфан-25», модификацию «Джейлан-2»). Поэтому есть смысл сравнивать наземные ракеты трех классов трех держав по числу пусковых установок и средств доставки, которые составляют технический базис для возможного наращивания боеголовок.

К тому же эти объекты гораздо легче контролировать, чем боеголовки. Поэтому первый договор США и СССР — Временное соглашение ОСВ-1 от 1972 г. — ограничивало именно ракеты (а не боезаряды) через лимиты на пусковые установки. Впоследствии ПУ и носители включались в ограничения договоров ОСВ-2, СНВ-1 и Пражского договора по СНВ.

Таким образом, если сопоставлять ядерные вооружения трех держав по указанным категориям и с учетом приведенных соображений, то асимметрия между ними оказывается весьма незначительной (рис. 5).

Примерное равенство сил, как показал 40-летний опыт переговоров Москвы и Вашингтона, — исключительно важное условие для заключения договоров об ограничении стратегических вооружений. Приведенный военный баланс по указанным категориям при наличии других благоприятных предпосылок мог бы стать основой соглашений великих держав.

Что касается открытия информации, Пекин официально выдвигает требование, чтобы США (и, по умолчанию, Россия) отказались от кон-

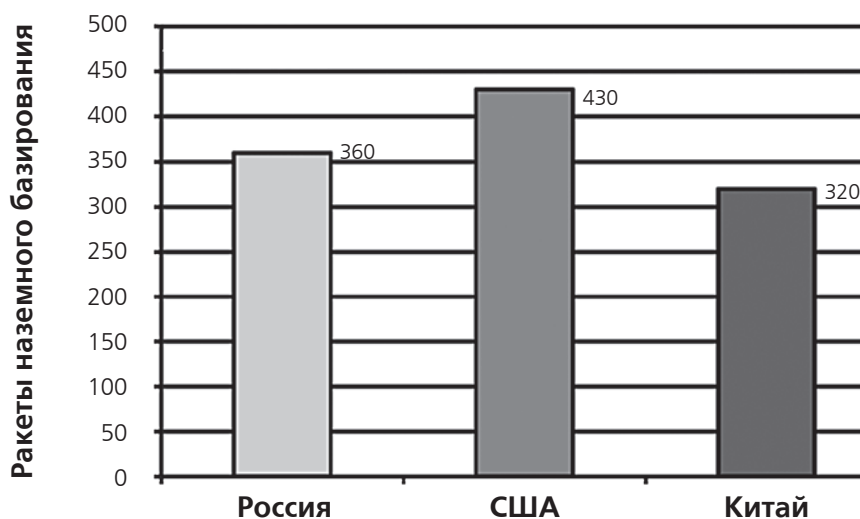

Рис. 5. Наземные ракетные силы России, США и КНР (правила засчета договоров СНВ 2010 г. и РСМД 1987 г.)

цепции применения ядерного оружия первыми — в качестве условия большей транспарентности китайских ядерных сил.

Это на первый взгляд звучит убедительно, но на деле беспочвенно, поскольку официальная информация Пекина о количестве его ядерных средств не может облегчить нацеливание разоружающего удара со стороны США или другой державы. В планировании таких операций они обязаны полагаться на собственные разведывательные данные, тем более что официальная информация Пекина не должна включать точные координаты всех его стратегических объектов.

Однако для планирования договоров по СНВ в Москве и Вашингтоне транспарентность в отношении китайских сил и программ была бы очень полезна.

На деле, видимо, КНР рассматривает вопрос транспарентности как свой важнейший козырь. Помимо всего прочего значительная транспарентность означала бы для Китая косвенное ограничение его ядерных сил ввиду его многолетних заявлений об их «минимальной достаточности», об отсутствии стремления к паритету с США или Россией и нежелании вести гонку вооружений. Особенно щекотливый вопрос возник бы в связи с пресловутыми тоннельными сооружениями.

Поэтому убедить Китай пойти на ядерную транспарентность в виде жеста доброй воли, первого шага или минимального вклада в переход к многостороннему разоружению скорее всего не удастся. В лучшем случае Пекин будет вести по этому поводу жесткий торг и будет стремиться «продать» каждый частный фрагмент транспарентности за максимальную плату со стороны контрагентов.

Предпосылки участия КНР в ограничении вооружений

Тем не менее, как представляется, Китай можно постепенно вовлечь в процесс ограничения ядерных вооружений. Но путь к этому лежит не через благие пожелания о расширении числа участников процесса. КНР не удастся «обучить» российско-американским урокам, он будет формировать свою позицию. Вовлечение Китая возможно только на сугубо прагматической основе: если он сочтет, что уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и по умолчанию России) по интересующим его вопросам.

Пекин считает новый Договор СНВ промежуточным, наскоро согласованным документом для замены истекшего в 2009 г. СНВ-1 и в известном смысле профанацией сокращения СЯС (минимальные реальные сокращения, специфические правила засчета, сокращение через перемещение боеголовок на склады и т. д.). Чтобы всерьез подойти хотя бы к теоретическому обсуждению каких-либо ограничений на свое ядерное оружие, Китай как минимум ждет следующего российско-американского договора по СНВ о реальном сокращении СЯС двух держав (например, до 1000 боезарядов).

Как известно, перспективы такого соглашения сейчас весьма сомнительны из-за разногласий по ПРО и нестратегическим ядерным вооружениям, а также по политическим причинам.

Кроме того, КНР настаивает на отказе США (и по умолчанию России) от концепции применения ЯО первыми и признании ими состояния взаимного ядерного сдерживания с КНР на основе обоюдной уязвимости. Для США такие шаги чреваты осложнениями отношений с союзниками, зависящими от гарантий безопасности, в том числе ядерных, со стороны Вашингтона. А в России они могут восприниматься как угроза собственной безопасности на западе и на востоке, особенно с учетом геостратегических преимуществ Китая вблизи Сибири и Дальнего Востока и ввиду его растущего превосходства по силам общего назначения.

Таким образом, подключение Китая к процессу ядерного разоружения — это не только вопрос смены позиции Пекина, но также проблема основательного и, возможно, болезненного изменения военной политики США и России.

Если Вашингтон и Москва всерьез хотят добиться транспарентности или ограничений ядерных сил КНР, простые призывы, благие пожелания и апелляция к ст. VI ДНЯО останутся бесплодными, как и раньше. Две ведущие державы должны трезво оценить, чем они готовы пожертвовать и на какие уступки пойти в плане сокращения и ограничения собственных вооружений и программ модернизации в обмен на соответствующие уступки Китая. Видимо, ни на что иное Пекин не пойдет и будет продол-

жать стоять на своей позиции «замкнутого круга», требуя сокращения ядерных сил России и США до уровней, более близких к китайским, — притом не открывая, какие это уровни.

Представляется, что реальные предпосылки согласия Китая на поэтапное «открытие» своих стратегических вооружений и их ограничение (хотя бы через обязательство не наращивать количественно) таковы:

- Обязательство США не наращивать в дальнейшем средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане (это зависит и от Японии). Существующая эшелонированная система ПРО на Тихом океане достаточна для отражения ракетного удара КНДР, а дальнейшее ее развитие будет носить все более выраженный антикитайский характер.
- Обязательство США и России, что в случае их договоренности о сотрудничестве в развитии ПРО в рамках отдельных проектов (например, по обмену данными СПРН) Китай сможет принять в них участие в приемлемом для себя формате.
- Таким проектом мог бы быть азиатско-тихоокеанский центр обмена данными о ракетных пусках по аналогии с центрами России-США и России-НАТО, которые начали создаваться в Европе, но затем были заморожены. В Азии такого рода трехсторонний центр Россия-США-КНР может также быть открыт для представителей Японии, Индии, Южной Кореи и других стран, соблюдающих режим контроля над ракетами и ракетными технологиями, куда следует формально принять и КНР и Индию.
- Переход США и России к переговорам о следующем договоре по СНВ включая ограничение стратегических систем в обычном оснащении. Это создаст предпосылку и для ограничения китайских ракет с высокоточными обычными боевыми частями, которые неотличимы от ядерных. Таким путем можно регламентировать развертывающуюся региональную гонку новейших высокоточных ракетных вооружений.
- Продвижение в ограничении нестратегических ядерных вооружений США и России (исключая их перемещение из Европы в Азию, вопреки позиции НАТО). Это создаст основу для ограничения китайских ракетных систем средней и меньшей дальности.

При этом первый, второй и четвертый пункты явились бы косвенным признанием от лица двух ведущих держав отношений взаимной уязвимости и взаимного ядерного сдерживания с Китаем. Как обязательства США союзникам, так и безопасность российских восточных рубежей

Чтобы всерьез подойти хотя бы к теоретическому обсуждению каких-либо ограничений на свое ядерное оружие, Китай как минимум ждет следующего российско-американского договора по СНВ о реальном сокращении стратегических ядерных сил двух держав (например, до 1000 боезарядов).

придется поддерживать за счет сил общего назначения, политических и экономических средств.

Вероятный формат переговоров — двусторонний диалог между США и КНР параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России с Китаем.

Трехсторонний или четырехсторонний формат исключительно труден. Но он все же возможен, например, по сотрудничеству в сфере ПРО (обмен данными СПРН).

В более отдаленной перспективе могут иметь место трехсторонние соглашения об ограничении стратегических и нестратегических вооружений: например, через равные суммарные потолки на МБР плюс БРСД и ОТР (с дальностью свыше 500 км) наземного базирования России, США и КНР. Как отмечалось выше, их суммарные уровни у трех держав примерно равны. Конечно, нужно будет включать в зачет и те соответствующие по характеристикам вооружения, которые предположительно могут размещаться в китайских тоннельных сооружениях. Для них по аналогии с Договором СНВ может быть установлен дополнительный потолок, как для развернутых ПУ и ракет.

При этом нужно помнить, что ракеты средней и меньшей дальности США и России ликвидированы, а КНР получила бы возможность снимать БРСД и ОТР и вместо них вводить в строй МБР. Эту перспективу едва ли будут приветствовать Россия и тем более США, но нужно учитывать, что без соглашений КНР в любом случае может это делать или наращивать МБР в дополнение к БРСД и ОТР.

Заключение

1. В политическом и военно-стратегическом отношениях «большой треугольник» Азиатско-Тихоокеанского региона, вершины которого составляют США, Россия и Китай, играет возрастающую роль. В обозримом будущем значение АТР будет расти также в мировой экономике и международной безопасности. Ход событий здесь будет оказывать огромное влияние на уровень конфликтности в мире, динамику военного соперничества государств, перспективы ограничения и нераспространения вооружений.

При этом стратегические отношения «тройки» крайне неоднородны и асимметричны, у них нет единой основы ни в политическом, ни в стратегическом плане (в виде принципов стабильности, паритета). Этот «треугольник» не только неравновесный, но и неоднородный.

2. Стратегически отношения России и США имеют давнюю историю, они основаны на примерном паритете ядерных вооружений, взаимном ядерном сдерживании на базе обоюдной способности к гарантирован-

ному уничтожению другой стороны ответным ударом, а также на сорока-летнем опыте переговоров и соглашений об ограничении и сокращении вооружений и укреплении стратегической стабильности.

Такие объективно обусловленные отношения сохранятся и впредь, несмотря на «возмущающие» факторы в виде систем ПРО, наступательных средств большой дальности в обычном оснащении и влияние нестратегических ядерных средств. Эти приводящие моменты в настоящее время завели переговоры в тупик, но объективно состояние военного баланса в последующие 10—15 лет по существу не изменится, а значит, сохранится основа для возобновления переговорного процесса и решения возникших проблем.

3. Подход КНР к стратегической стабильности отличается от российско-американского тем, что он не основан на примерном ракетно-ядерном паритете и концепции взаимного гарантированного уничтожения (ответным ударом). В то же время Китай — единственная из пяти великих держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН и признанных пяти ядерных держав Договора о нераспространении ядерного оружия, которая не предоставляет никакой официальной фактической информации о своих ядерных силах и программах их развития.

В прошлом, когда китайский ВВП, военный бюджет и ядерные силы были весьма скромны, это спокойно воспринималось другими державами. Но в последнее десятилетие экономический рост КНР, ее выход на второе после США место в мире по величине военного бюджета, крупные программы модернизации ядерных и обычных сил и вооружений не позволяют принимать на веру положения о «сугубо оборонительной ядерной доктрине», отказе от первого удара, поддержании «минимально необходимых» ядерных сил.

4. Главный парадокс ядерной доктрины КНР состоит в том, что если ее ядерные силы столь ограничены, как считает большинство зарубежных специалистов, то они не способны к ответному удару и скорее всего имеют оперативную ориентацию на упреждающий удар. Китайский потенциал ответного удара может быть состоятелен только в том случае, если в подземных тоннелях хранится крупный резерв ракетно-ядерных сил, о котором неизвестно вероятному противнику и который обладает высокой живучестью, хотя и не может быть использован немедленно.

В таком случае Китай — третья ядерная держава после США и России. Более того, ядерные силы КНР, видимо, больше сил всех остальных шести ядерных государств вместе взятых. При этом экономический и технический потенциал КНР позволяет осуществить быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений.

Вероятный формат будущих переговоров — двусторонний диалог между США и КНР параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России с Китаем.

5. Необходимо принимать во внимание «китайский фактор» при разработке любых новых инициатив по ограничению или сокращению ядерных вооружений США и России как в рамках переговорного процесса, так и в качестве односторонних мер доброй воли.

Вместе с тем весьма наивной представляется линия США и России, которые призывают Китай присоединиться к процессу ядерного разоружения, «открыть» свои силы и программы или хотя бы взять обязательство не наращивать ядерный потенциал, просто исходя из обязательств по ст. VI ДНЯО, в качестве жеста доброй воли, ради вклада в благородное дело ядерного разоружения.

Дело осложняется региональными проблемами, растущими противоречиями КНР с соседними странами и США, развертыванием новейших систем ПРО США и их союзников в АТР, а также начавшейся гонкой военно-морских вооружений и высокоточных ударных систем большой дальности в неядерном оснащении.

6. Это означает, что Пекин может присоединиться к данному процессу, если он сочтет, что его уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и по умолчанию России) по военным и политическим вопросам, которые интересуют Пекин. В частности, Китай будет использовать вопрос транспарентности в качестве важнейшего «козыря для торга» для получения максимальных уступок со стороны США в пользу Китая.

В известном смысле возможность вступления Китая в процесс контроля над ядерными вооружениями — это не только проблема изменения традиционной китайской позиции, но и вопрос, предполагающий необходимость пересмотра военной политики США и России.

7. Предпосылки согласия Китая на поэтапное открытие информации о своем потенциале и на последующее ограничение ядерных вооружений (хотя бы через обязательство не наращивать количественно определенные их виды и типы) могут охватывать: обязательство США не наращивать средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане (возможно, включая и противоракетные средства Японии); обязательство США и России, что в случае их договоренности о сотрудничестве в рамках отдельных проектов по развитию ПРО (например, по обмену данными СПРН) Китай сможет принять в них участие в приемлемом для себя формате; начало переговоров между США и Россией относительно следующего соглашения по СНВ, которое будет включать ограничение высокоточных неядерных ракет большой дальности.

8. Вероятный формат переговоров — двусторонний диалог между США и Китаем параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России и Китая.

Трехсторонний или четырехсторонний формат переговоров (с участием Индии) едва ли представляется возможным. Единствен-

ным исключением может стать вопрос о сотрудничестве в сфере ПРО (по обмену данными СПРН). В дальнейшем возможны и трехсторонние варианты соглашений об ограничении наступательных вооружений.

Примечания

- 1 В. В. Путин встретился в г. Сарове с экспертами по глобальным угрозам национальной безопасности, укреплению обороноспособности и повышению боеготовности Вооруженных сил Российской Федерации // <http://www.vibori.net/primeminister/?id=14460>.
- 2 New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms: Fact Sheet, November 30, 2012 / Bureau of Arms Control, Verification and Compliance // <http://www.state.gov/t/avc/rls/201216.htm>.
- 3 Арбатов А. Г. Большой стратегический треугольник: преграды на пути сокращения ядерных арсеналов // Независимое воен. обозрение. — 2012. — 2 нояб. (http://nvo.ng.ru/concepts/2012-11-02/1_triangle.html).
- 4 SIPRI Yearbook 2012: Armaments, Disarmament and International Security / Ed. by Bates Gill. — Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. — P. 309—313.
- 5 Ibid. — P. 310—311.
- 6 Gates R. The Case for the New START Treaty: The Treaty has the Unanimous Support of America's Military Leadership // Wall Street J. — 2010. — May 13 (http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703339304575240164048611360.html?mod=WSJ_Opinion_LEFTTopOpinion).
- 7 В связи с принятием поправок к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам от 14 ноября 2012 г., которые расширяют понятие «государственная измена», включая в него «консультационную или иную помощь иностранному государству... в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации», следует подчеркнуть, что все фактические данные, приведенные в данной публикации, заимствованы из официальных российских источников информации либо из открытых зарубежных официальных или неофициальных источников, которые по определению не могут быть отнесены к государственной тайне Российской Федерации. Данные многочисленных открытых российских экспертных материалов не используются во избежание случайного разглашения государственной тайны.
- 8 New START Treaty Aggregate Numbers of Strategic Offensive Arms: Fact Sheet, November 30, 2012 / Bureau of Arms Control, Verification and Compliance // <http://www.state.gov/t/avc/rls/201216.htm>.
- 9 SIPRI Yearbook 2012... — P. 315—319.
- 10 Вооруженные Силы Российской Федерации: модернизация и перспективы развития / Под ред. И. Коротченко. — М.: Нац. оборона, 2012. — С. 236.
- 11 SIPRI Yearbook 2012... — P. 316, 319—320.
- 12 Вооруженные Силы Российской Федерации... — С. 240.
- 13 Там же. — С. 318.
- 14 Ввиду необходимости из-за недавних поправок в УК и УПК опираться только на российские официальные данные и зарубежные источники и невозможности представлять авторские оценки суммарные количества вооружений могут не совпадать.
- 15 Вооруженные Силы Российской Федерации... — С. 316, 321.

- 16 Там же. — С. 321.
- 17 Цит. по: *Литовкин В. Н.* Безопасность бывает только равной: Генеральный штаб России ставит условия США // Независимое воен. обозрение. — 2008. — 19 дек. (http://nvo.ng.ru/forces/2008-12-19/5_safety.html).
- 18 *Храмчихин А. А.* Перспективная МБР — жидкостная или твердотопливная: к 2018 году Россия начнет развертывание новой тяжелой жидкостной МБР // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 17 июня (http://nvo.ng.ru/realty/2011-06-17/1_mbr.html).
- 19 *Сухоруков А.* Основные контракты подписаны: Минобороны завершает договорную кампанию в рамках ГОЗ-2012 // Нац. оборона. — 2012. — Сент. — № 9. — С. 32—35 (<http://www.oborona.ru/includes/periodics/armedforces/2012/0910/12389122/detail.shtml>).
- 20 Вооруженные Силы Российской Федерации... — С. 246.
- 21 *Пырьев В., Дворкин В.* Программа США/НАТО и стратегическая стабильность // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 190.
- 22 См.: *Арбатов А., Дворкин В.* Новый договор по СНВ — один шаг в правильном направлении. — М., 2010. — (Брифинг / Моск. Центр Карнеги; Т. 12, вып. 2) (http://carnegieendowment.org/files/ArbatovBriefing_2010_Start_Rus1.pdf).
- 23 См.: *Пырьев В., Дворкин В.* Op. cit. — С. 190—191.
- 24 См.: *Есин В. И.* Ядерная мощь Китая // Перспективы участия Китая в ограничении ядерных вооружений / Под ред. А. Г. Арбатова, В. З. Дворкина, С. К. Ознобичева. — М.: ИМЭМО РАН, 2012. — С. 27—35.
- 25 Там же.
- 26 Оценка авторов.
- 27 Военная доктрина Российской Федерации, 5 февраля 2010 г. // http://news.kremlin.ru/ref_notes/461.
- 28 См.: *Рукишин А.* Некоторые итоги реформы Вооруженных Сил: миллиарды потрачены, а престиж военной профессии не повысился // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 14 нояб. (<http://vpk-news.ru/articles/13125>).
- 29 Nuclear Posture Review Report, April 2010 // <http://www.defense.gov/npr/docs/2010%20nuclear%20posture%20review%20report.pdf>.
- 30 Ibid.
- 31 Ibid.
- 32 Военная доктрина Российской Федерации.
- 33 Там же.
- 34 China's National Defense in 2010: II. National Defense Policy // http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263420.htm.
- 35 Ibid.
- 36 Ibid.
- 37 См.: *The Art of War by Sun Tzu* / Transl. and annotated by L. Giles. — El Paso: Notre Press, 2005.
- 38 См.: *Есин В. И.* Третий после США и России: о ядерном потенциале Китая без занижений и преувеличений // Воен.-пром. курьер. — 2012. — 2 мая (<http://vpk-news.ru/articles/8838>).
- 39 Там же.
- 40 *Stephens B.* How Many Nukes Does China Have: Plumbing the Secret Underground

- Great Wall // The Wall Street J. — 2011. — Oct. 24 (<http://online.wsj.com/article/SB10001424052970204346104576639502894496030.html>).
- 41 Asia News. — 2011. — Oct.
- 42 *Ходаренок М.* Принципиальные основы концепции // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 22—23.
- 43 *Ромашикина Н., Топычканов П.* Региональные противоракетные программы (Индия, Израиль, Япония, Южная Корея) // Там же. — С. 284—293.
- 44 *Уилкенинг Д.* Поэтапный адаптивный план США/НАТО // Там же. — С. 112—113.
- 45 *Пырьев В., Дворкин В.* Программа США/НАТО и стратегическая стабильность // Там же. — С. 184—185.
- 46 *Есин В.* Российские воздушно-космические войска и программа вооружения // Там же. — С. 141—160.
- 47 Там же.
- 48 Military Russia: отечественная военная техника (после 1945 г.) // <http://military.tomsk.ru/blog/topic-350.html>.
- 49 Ibid.
- 50 В общей сложности сооружено 84 ШПУ в семи позиционных районах. В настоящее время в 68 ШПУ (в пяти позиционных районах) размещены противоракеты 53Т6 без специальных боевых частей (они складированы), а 16 ШПУ (в двух позиционных районах), предназначенных для размещения противоракет 51Т6, законсервированы, поскольку эти противоракеты выведены из эксплуатации (http://russianforces.org/blog/2005/10/moscow_abm_interceptor_sites.shtml).
- 51 *Есин В.* Российские воздушно-космические войска... — С. 141—159.
- 52 В частности, в процессе модернизации противоракет предусмотрено оснастить их на первом этапе осколочно-фугасной боевой частью, а в дальнейшем многозарядной ступенью перехвата, в которой каждый поражающий элемент оснащен головкой самонаведения и после отделения от ступени перехвата самостоятельно наводится на баллистическую цель (Система А-135 Амур...).
- 53 Новый облик МО ПВО — ОСК ВКО // <http://wap.pvo.forum24.ru/?1-18-0-00000004-000-0-0-1302194176>.
- 54 Минобороны готово разместить С-400 в любой точке России // http://vpk.name/news/52034_minoboronyi_gotovo_razmestit_s400_v_lyuboi_tochke_rossii.htm.
- 55 См. интервью с Игорем Ашурбеи: Будущая ПРО РФ будет базироваться на земле и в воздухе — конструктор // РИА Новости. — 2011. — 15 авг. (<http://www.ria.ru/interview/20110815/417675459.html>).
- 56 Полковой комплект ЗРС С-400 состоит из двух дивизионных комплектов, в каждом из которых помимо пункта боевого управления, РЛС и других средств обнаружения насчитывается 8—12 пусковых установок с четырьмя ЗУР в транспортно-пусковых контейнерах на каждой пусковой установке (Мобильная многоканальная зенитная ракетная система С-400 «Триумф» / ГСКБ «Алмаз-Антей» им. академика А. А. Расплетина // <http://www.raspletin.ru/mobilnaya-mnogokanalnaya-zenitnaya-raketnaya-sistema-s-400-triumf>).
- 57 ЗУР 40Н6 до сих пор не сертифицирована, поскольку не завершены ее государственные испытания. Игорь Ашурбеи объясняет возникшую задержку с принятием этой ЗУР на вооружение отсутствием требуемого финансирования для изготовления опытных образцов ракет и закупки новых мишенных комплексов, которые позволили бы проводить контрольные стрельбы в необходимом количестве (см.: Будущая ПРО РФ будет базироваться на земле и в воздухе...).

- 58 ЗРС «Витязь» — мобильная зенитная ракетная система средней дальности, создаваемая для замены устаревшей ЗРС С-300ПС. Предполагается, что ЗРС «Витязь» по боевым возможностям в несколько раз превысит ЗРС С-300ПС, поскольку на каждой ее пусковой установке будет размещаться 16 ЗУР (в четыре раза больше, чем на пусковой установке из комплекта ЗРС С-300ПС). См.: Будущая ПРО РФ будет базироваться на земле и в воздухе...
- 59 По мнению Игоря Ашурбейли, утвержденные сроки разработки ЗРС С-500 нереальны. В 2011 г. выполнен эскизный проект и начато техническое проектирование ЗРС С-500. Если исходить из международных стандартов для создания систем ПВО/ПРО, для завершения работ по созданию ЗРС С-500 потребуется еще не менее семи-восьми лет. См.: Будущая ПРО РФ будет базироваться на земле и в воздухе...
- 60 *Рогов С. М., Есин В. И., Золотарев П. С., Кузнецов В. С.* Стратегическая стабильность и ядерное разоружение в XXI веке // Независимое воен. обозрение. — 2012. — 30 нояб.—6 дек. — № 43.
- 61 Там же.
- 62 *Штындов А. В., Тебин Н. П.* Поднебесная выставляет рубежи в океане // Независимое воен. обозрение. — 2011. — 4—10 нояб. — № 42.
- 63 *Wu Riqiang.* Survivability of China's sea-Based Nuclear Forces // Science & Global Security. — 2011. — Vol. 19. — № 2. — May—Aug. — P. 91—120.
- 64 Ibid. — С. 33.
- 65 *Мясников Е.* Воздушно-космическая угроза России // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2012. — С. 116—140.
- 66 Statement of Brian R. Green, Deputy Assistant Secretary of Defense Strategic Capabilities, for The Senate Armed Services Committee Strategic Forces Subcommittee Hearing Regarding Global Strike Issues, 28 March 2007 / United States Senate Armed Services Committee // <http://armed-services.senate.gov/statemnt/2007/March/Green%2003-28-07.pdf> (цит. по: *Мясников Е.* Воздушно-космическая оборона... — С. 128).
- 67 *O'Rourke R.* Navy Virginia (SSN-774) Class Attack Submarine Procurement: Background and Issues for Congress // CRS Report. — 2011. — Apr. 12 (<http://www.fas.org/sgp/crs/weapons/RL32418.pdf>) (цит. по: *Мясников Е.* Воздушно-космическая оборона... — С. 129).
- 68 *O'Rourke R.* Navy DDG-51 and DDG-1000 Destroyer Programs: Background and Issues for Congress // CRS Report. — 2011. — Mar. 2 (<http://www.fas.org/sgp/crs/weapons/RL32109.pdf>) (цит. по: *Мясников Е.* Воздушно-космическая оборона... — С. 129).
- 69 *O'Rourke R.* Cruise Missile Inventories and NATO Attacks on Yugoslavia: Background Information // CRS Report. — 1999. — Apr. 20 (<http://www.history.navy.mil/library/online/cruise%20missile%20inventory.htm>) ((цит. по: *Мясников Е.* Воздушно-космическая оборона... — С. 129)).
- 70 *Мясников Е.* Воздушно-космическая угроза России... — С. 130.
- 71 *Шунков В. Н.* Авианесущие корабли и морская авиация. — Минск: Попурри, 2003.
- 72 См. подробнее: *Мясников Е.* Стратегические вооружения в неядерном оснащении: проблемы и решения // Индекс безопасности. — 2011. — Т. 17. — № 1 (96). (<http://pircenter.org/data/publications/sirus1-11/Analysis-Miasnikov.pdf>).
- 73 *Ильин С.* Крылатые ракеты воздушного базирования ВВС США: Состояние и перспективы развития // Зарубеж. воен. обозрение. — 2011. — № 8. — С. 60—65 (цит. по: *Мясников Е.* Воздушно-космическая оборона... — С. 126).
- 74 При переводе на русский язык употребляется также термин «молниеносный глобальный удар».

- 75 *Grossman E. M.* Pentagon Readies Competition for “Global-Strike” Weapon // Global Security Newswire. — 2011. — June 24 (цит. по: *Мясников Е.* Воздушно-космическая оборона... — С. 136).
- 76 Report on Conventional Prompt Global Strike in response to Condition 6 of the Resolution of Advice and Consent to the Ratification of the New START Treaty. — Washington: The White House, Febr. 2, 2011 (цит. по: *Мясников Е.* Воздушно-космическая оборона... — С. 138).
- 77 *Ibid.* — С. 22, 35.
- 78 *Мясников Е.* Высокоточное обычное оружие // Ядерная перезагрузка: сокращение и нераспространение вооружений / Под ред. А. Арбатова и В. Дворкина; Моск. Центр Карнеги. — М.: РОССПЭН, 2011. — С. 130.
- 79 *Wu Riqiang.* *Op. cit.* — P. 91—120.
- 80 *Ibid.*
- 81 *Ibid.*
- 82 China’s National Defense in 2010: X. Arms Control and Disarmament // http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263885.htm.

Об авторах

Алексей Арбатов — доктор исторических наук, академик РАН, руководитель Центра международной безопасности Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук (ЦМБ ИМЭМО РАН), председатель программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги.

Владимир Дворкин — доктор технических наук, главный научный сотрудник ЦМБ ИМЭМО РАН, консультант программы «Проблемы нераспространения» Московского Центра Карнеги, генерал-майор в отставке.

Московский Центр Карнеги

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основной задачей которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшение международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

Большой стратегический треугольник

Алексей Арбатов, Владимир Дворкин

Научный редактор Н. Бубнова

Редактор А. Иоффе

Научно-техническое обеспечение П. Топычканов

Дизайнер Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Подписано к печати 18.02.2013

Формат 60х90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 7

Тираж 550 экз.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»

127322, Москва, ул. Милашенкова, д. 10, оф. 96

classick21@gmail.com

Отпечатано в типографии «August Borg»

107497, Москва, Амурская ул.,

д. 5, стр. 2

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

THE GLOBAL THINK TANK

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Carnegie.ru